

Франсуаза Дольто
**НА СТОРОНЕ
РЕБЕНКА**

рама
ПАСЛИМНИК

Авторитетные детские психологи

Франсуаза Дольто
На стороне ребенка

«Рама Паблишинг»

1985

УДК 59.9
ББК 88.8

Дольто Ф.

На стороне ребенка / Ф. Дольто — «Рама Пабблишинг»,
1985 — (Авторитетные детские психологи)

ISBN 978-5-91743-058-4

Глубокое всестороннее исследование детства и личности ребенка, предпринятое Франсуазой Дольто в произведении «На стороне ребенка», принесло автору всемирную известность. Для Ф. Дольто существенно все: права ребенка, реформа образования, аутизм, влияние телевидения и компьютера, детская сексуальность, детские комплексы, раннее развитие и т. д. Она ведет читателя за собой, лишая его привычных стереотипов, уплощенного восприятия детства, позволяя посредством тонкого, целостного анализа увидеть многомерность мира ребенка, его сложность и неоднозначность. За методом Ф. Дольто-психоаналитика стоит подход философа, психолога, социолога – личности, чутко улавливающей происходящие в мире изменения и их отражение на системах воспитания и образования детей. Издание адресовано каждому взрослому, стремящемуся расширить границы познания в отношении детства и научиться понимать и любить детей.

УДК 59.9

ББК 88.8

ISBN 978-5-91743-058-4

© Дольто Ф., 1985
© Рама Пабблишинг, 1985

Содержание

Слушать и слышать детей	6
Как пользоваться этой книгой	10
I часть	11
1 глава	12
Открытие тела ребенка	12
Детская сексуальность: Стена умолчания	19
2 глава	25
«Пусть дети приходят ко мне», или Откуда берется чувство вины	25
3 глава	29
Ангел, карлик и раб, или Ребенок в литературе	29
«Ослиная шкура» и «Голубая планета»	37
Ребенок-сэндвич	41
4 глава	43
Пространство ребенка	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Франсуаза Дольто На стороне ребенка

Editions Robert Laffont, 1985,

© Е. В. Баевская, О. В. Давтян, перевод на русский язык, 1997,

© ООО «Рама Паблшинг», 2013,

© Gorilla // Bigstock.com, 2012, фото на обложке

* * *

Слушать и слышать детей

В конце 1970-х мне привезли из Франции распечатки передач, которые вела на радиопедиатр-психоаналитик Франсуаза Дольто. Это был привычный в те времена самиздат – странички, напечатанные на пишущей машинке, самодельно сшитые розовой ленточкой. Их подарила моей коллеге мама ее французской подруги, когда узнала, что та психолог и работает с детьми, имеющими школьные проблемы (а коллега, к счастью, подарила эти тетради мне). Так я впервые услышала это имя и впервые открыла для себя Франсуазу Дольто.

Я была потрясена глубиной и честностью разговора со слушателями (не уверена, что то была программа для родителей, но по содержанию и стилю очень на это похоже). Меня удивила ее способность понятно объяснять самые сложные процессы, происходящие с ребенком, тщательно анализировать ситуацию и бережно относиться к чуду развития маленького человека. Признаюсь, я долгие годы пользовалась ее формулой *«быть на стороне ребенка»* и считаю эту позицию единственно возможной в отношении к детям – родителей, педагогов и общества в целом. Увы, наша жизнь дает много примеров неприятия, отторжения и намеренного пренебрежения этой позицией.

Можно обсуждать причины такой ситуации, можно искать оправдание и объяснения, но все это не помогает ребенку жить, расти, развиваться, справляться с проблемами. Диву даешься, когда видишь, какими нетерпеливыми, нетерпимыми и жестокими бывают взрослые, как беспомощен ребенок (и как уродуется он!) под натиском грубости и злости, как уничтожает его намеренное и ненамеренное унижение. Отчего это происходит? Уверена, прежде всего от незнания, невежества, непонимания.

И все-таки, сегодня мы знаем о развитии детей много больше, чем наши бабушки и дедушки. Это знание дают книги, которые, кроме бесспорных фактов, содержат нечто, что трогает душу, заставляет задуматься, «приложить» к себе, своим поступкам это новое знание, которое возбуждает желание быть «на стороне ребенка». Быть «на стороне ребенка» не только тогда, когда его действия и поступки не противоречат представлениям взрослых, когда общаться с ребенком – радость и «удовольствие». Но быть «на стороне ребенка», когда он отталкивает, когда груб и колюч, когда он протестует или проявляет агрессию, когда его поступки доводят до отчаяния. Где взять силы? Как разобраться, как понять? И *можно ли* разобраться и понять?

Несколько десятилетий я веду консультативный прием родителей и их детей, имеющих школьные проблемы. Как правило, это непростые ситуации, связанные не только с проблемами самого ребенка, но и с позицией взрослых (и позицией учителей), которые не готовы встать на его сторону. Измениться (стать «лучше») должен ребенок, но нередко изменение ситуации возможно, только если *взрослые изменяют свое отношение к нему*. Порой «достучаться» до ребенка, преодолеть его сопротивление и родительское «я так хочу», «это мое право, потому что я взрослый», бывает трудно. И тогда я вновь и вновь перечитываю Ф. Дольто, ищу у нее объяснения и аргументы, сравниваю ее взгляд и мой, современную ситуацию в обществе с тем, что описывала и анализировала Ф. Дольто.

Уверена, для тех, кто впервые возьмет эту книгу в руки, открытием будет каждая страница, а те, кто уже читал ее, найдут много интересного. Эта книга удивительная, она действительно дает *живое знание*, которое зависит от сегодняшнего состояния, волнующих проблем, настроения и даже от того, как читаешь. Потому что значима каждая фраза, каждая деталь, каждое объяснение. Все, о чем написано, продумано, прочувствовано, проанализировано.

Книга состоит из четырех больших и относительно самостоятельных частей, которые можно читать последовательно, не торопясь и желательно с карандашом в руке, потому что

неизбежно возникает соблазн какую-то мысль сохранить в памяти, для себя. Можно читать и отдельными главами, выделяя для неспешного и осознанного чтения то, что волнует.

Детская сексуальность – тема, на которую в общении детей и родителей у нас до сих пор табу. Тема, которую не разрешено обсуждать с детьми в школе. По-прежнему эта тема закрыта для будущих педагогов и психологов. Возможно, только детские психиатры знают больше, но и то, скорее всего, о патологической стороне этой проблемы. По меткому замечанию Ф. Дольто, у нас сегодня вокруг этой проблемы «стена умолчания».

Мы очень хотим, чтобы наши дети были свободны, раскованны, самостоятельно и ответственно принимали решения, но... опекаем, контролируем, диктуем, жестко ограничиваем свободу их действий, оправдывая это новой ситуацией жизни, криминогенной обстановкой. Ограничивается общение. Однако эта ситуация возникла не сегодня, и Ф. Дольто заставляет задуматься, почему «пространство детства» сужается.

Ф. Дольто привлекает внимание к, казалось бы, совсем безобидной проблеме – *территории жизни ребенка*. Она пишет: «...Налицо явная конфискация пространства. То немногое, что остается в распоряжении ребенка, испещрено оговорками: „смотри, чтобы с тобой ничего не случилось“, „иди прямо домой, никуда не сворачивай“, „повнимательнее выбирай себе друзей“, „ни с кем не разговаривай“...».

Пространство большинства наших детей сегодня – только школа и дом. Исчезли дворы, во многих регионах для детей введен комендантский час. *«Вернувшись домой, школьник прилипает к телевизору. И это всех устраивает. Поскольку он загипнотизирован происходящим на экране, он, по крайней мере, никому не мешает. Экран – это окно, которое выходит во внешний мир, лежащий вне того замкнутого пространства, где его держат взаперти. Но эта пасть, извергающая мешанину образов и сведений, может непоправимо травмировать ребенка, которому никто ничего толком не объясняет, потому что всем некогда. Он подвергается массовой бомбардировке, он не производит никакого отбора, а родителям некогда помочь ему в этом».*

Особое внимание Ф. Дольто уделяет исследованиям психологии развития ребенка и довольно жестко критикует методы психологических исследований. Но больше всего ее волнует, что результаты этих исследований будут восприняты родителями как «чудодейственные рецепты».

Ф. Дольто критично относится к психологическим тестам, считая тестирование «делом нечистым». Увы, опасения справедливы для нашей страны как никогда. В последние десятилетия появилось немало психологов, умеющих тестировать, но не владеющих знаниями для интерпретации результатов. Это приводит не только к исследовательским ошибкам, но причиняет реальный вред и детям и родителям. Но это не проблема науки – психологии, а проблема квалификации специалистов-психологов.

Ф. Дольто – психоаналитик, и неудивительно, что именно психоанализу она отводит главную роль в изучении ребенка. С этой позицией можно соглашаться, но можно и спорить, так как у психоанализа есть как свои преимущества, так и свои недостатки. И квалификация психоаналитика не менее значима, чем квалификация психолога.

Некоторые проблемы жизни и развития ребенка Ф. Дольто разбирает очень подробно, других только касается. Но есть темы, актуальность которых в 80-е годы прошлого века можно было только предвидеть. Ф. Дольто увидела такую проблему и уделила ей внимание. Эта проблема – *ребенок и компьютер*.

Сегодня компьютер наделяют почти фантастической способностью негативного воздействия, родителей пугают компьютерной зависимостью, развитием агрессии, нарушением интеллекта, страшат таким непонятным монстром, как «клиповое сознание» (что никто толком объяснить не может). Многих возмущает увлечение детей компьютером, кто-то этого не замечает, кого-то одолевает ностальгия по привычным играм. Ф. Дольто пишет: *«Я думаю, что*

нежелание замечать в своей эпохе динамику и те изменения, на поиски которых толкает нас развитие техники, – наш недостаток». Анализируя взаимодействие ребенка с компьютером, Ф. Дольто видит плюсы – это относительная свобода действий и развитие логического мышления, и минусы, считая, что «электронные игры изолируют детей».

Ребенок в школе – особая тема для Ф. Дольто. Она выделяет проблемы адаптации детей в школе в разряд наиболее сложных, доказывая их серьезное влияние на развитие и здоровье ребенка. Жестокое давление в школе калечит, уродует ребенка, так же как чрезмерная опека в семье, считает Ф. Дольто: «Если мы хотим, чтобы у ребенка было больше шансов сохранить свой потенциал, нужно, чтобы воспитание было как можно меньше проникнуто авторитарностью. Не будем стремиться все понять – вместо этого будем уважать все реакции ребенка, в том числе и те, которые нам не понятны».

Ее наблюдения двадцатилетней давности за результатами, достижениями в дальнейшей жизни разных выпускников школы актуальны и сегодня.

«Поражаешься, обнаруживая, что с кем стало: бывшие хорошие ученики окончили престижные университеты, а теперь занимаются рутинной работой; а бывшие лентяи сегодня превратились или в маргиналов (но по-своему довольны жизнью), или, напротив, в созидателей, в организаторов и вдохновителей экономической жизни, хотя в юности слыли разгильдяями. Насколько сдали с годами блестящие ученики, настолько «тупицы» преуспели в жизни, берясь за самые неожиданные, не предусмотренные их профессиональной ориентацией задачи. Эти люди сохранили свою оригинальность, хотя им и пришлось до некоторой степени испытать на себе презрение своих однокашников».

Сегодня, когда российская школа живет в «эпоху модернизации», ко многим наблюдениям, советам и рекомендациям Ф. Дольто стоило бы прислушаться. Например, она считает, что идея «гуманной школы» утопична, так как не учитывает индивидуальность ребенка, особенности его развития, потому что в массовой школе единые программы, единые требования, единые темпы обучения.

Отвечая на вопрос: «Как такое может быть, что столь много детей ненавидят школу?», Ф. Дольто пишет: *«Просто им – неинтересно. Они не понимают, для чего им все это нужно. И, может быть, именно потому, что эти дети умнее других, менее пассивны, они и не хотят делать как все, быть как все?.. Те же, кто покоряется, кого приводят в пример, подчинены взрослому... Они и стараются получать хорошие оценки, хотя предметы их не интересуют».*

Но Ф. Дольто не только анализирует и критикует, она рассуждает о том, какой должна быть школа, чтобы ее полюбили. Она предлагает модель такой школы, в которой педагоги, воспитатели, психологи не замыкались бы в узкой области передачи знаний, а хорошо «знали детей, были к ним ближе, воплощая пример собственного удовлетворения работой».

Раннее развитие ребенка (развитие ребенка до школы) – еще одна проблема, к которой Ф. Дольто возвращается в этой книге неоднократно. Развитию младенцев Ф. Дольто уделяет особое внимание, справедливо считая, что ранние этапы развития ребенка в значительной степени определяют особенности его развития, успешность в обучении, социальную адаптацию.

Ф. Дольто подчеркивает, что каждый ребенок индивидуален, у каждого свой темп развития, и эти особенности мало учитываются в детских садах. Она рассказывает, как устроена жизнь детей в *Мезон Верт*, созданном ею для детей. Анализируя проблемы разных детей и их жизнь в семье и *Мезон Верт*, Ф. Дольто делает важный вывод: *«В своем сознании нам предстоит еще проделать огромный путь, для того чтобы понять, что раннее воспитание ребенка в обществе ему подобных является задачей номер один».*

Я много раз перечитывала эту книгу и каждый раз отмечала что-то новое, на что не обратила внимания в прошлый раз, выделяла то, что волновало. Я не устаю удивляться тому, как важны, как значимы все проблемы, которые обсуждает Ф. Дольто сегодня (хотя книга написана

более 25 лет назад), я восхищаюсь простотой и четкостью ее ответов на вопросы и... снова листаю страницы.

У Ф. Дольто свой взгляд на ребенка, его развитие, его проблемы, но она не навязывает его читателю, не диктует правильные ответы, она *размышляет, рассуждает, втягивая нас в этот процесс.*

М. М. Безруких,

д-р биол. наук, профессор, академик РАО,

директор Института возрастной физиологии РАО

Как пользоваться этой книгой

Этот коллективный труд стремится рассмотреть с точки зрения психоанализа совокупность исторических, социологических, этнографических, литературных и научных данных о месте, которое общество отводит детям. Приводятся данные, накопленные в ходе исследований, проводившихся во Франции и в других странах.

Оригинальность подхода состоит в том, что Франсуаза Дольто рассуждает и комментирует, используя свой двойной опыт детского врача-психоаналитика и матери семейства.

Абзацы, набранные курсивом, предлагались доктору Дольто для рассмотрения выявляющихся в процессе исследования тенденций, течений, методов и постоянно действующих факторов, спорных проблем и нерешенных вопросов. Франсуаза Дольто реагирует на них, сопровождает эти данные своими замечаниями, высказывая по их поводу свои личные соображения и развивая при этом собственную точку зрения.

В первой части настоящего исследования делается попытка подвести исторический итог и поставить диагноз. Вторая часть предлагает новый подход к детству. Третья – намечает сценарии возможного служения общества ребенку. Четвертая, и последняя, часть книги очерчивает основы раннего предупреждения неврозов у детей. Это – революция, осуществляемая шаг за шагом. Настоящая революция.

I часть

Пока на Земле будут дети

Ребенок в обществе:

постоянно действующие факторы, изменения и причины неудач

Родители воспитывают детей, как государи управляют народами.

Мы располагаем мифом о прогрессе зародыша с рождения до взрослого возраста, поэтому отождествляем эволюцию тела с эволюцией мышления. А между тем, символическое мышление – это штиль от зачатия до смерти.

Взрослый возмущается при мысли, что ребенок и он – равны.

Франсуаза Дольто

1 глава

Замаскированное тело

Открытие тела ребенка

С XV по XVIII век неизменным элементом живописи была маскировка ребенка под взрослого. Это убедительно показала выставка, состоявшаяся в 1965–1966 годах в кельнском музее Вальрафа Рихардта. Фальсификация распространяется не только на костюм. Внешность тоже подвергается размыванию. Это прекрасно видно на гравюре Дюрера, изображающей ребенка из народа с лицом старичка.

В «*Satirische Schulszene*»¹ Брейгеля дети ведут себя и держатся как «взрослые». Они отличаются от взрослых только ростом. В «*Der Gartner*»² (Ленен, 1655) девочки, помогающие в приготовлении пищи, изображены как настоящие женщины, одеты они так же, как их мать. Это «уменьшенные модели» своей родительницы. То же и с мальчиками, разве что в XVII веке они еще одеты не по мужской моде: их наряжают так, как одевали их пращуров во времена Средневековья, а не так, как их отцов.

До самого XVIII века тело ребенка остается полностью укрыто одеждами. Мальчики отличаются от девочек только тем, что у них застёжки спереди. Вот и все. И девочки и мальчики носят ленты. Прежде чем надеть штаны, взрослый мужчина носил платье. Мало-помалу он обнаружил свои ноги и нарядился в короткие штаны. Но маленькому мальчику это пока не позволено: в течение двух-трех веков он еще обречен на косность. Его наряжают в платье, какое носил взрослый два-три столетия тому назад. На семейных портретах можно видеть детей в платьях с двумя или четырьмя развевающимися лентами. Это единственное, что отличает их от взрослых карликов.

Что означают эти ленты? Филипп Ариес задается вопросом: а что, если это остатки широких свободных рукавов средневекового платья? Развевающиеся рукава, атрофируясь, могли превратиться в ленты. Пожалуй, это лишний раз подтверждает, что в одежде ребенка XVII века ничто не выдуманно. Его наряжают в то, что прежде носил взрослый³.

Возможно и другое объяснение: эти ленты могут быть остатками вожжей. Когда дети делали первые в жизни шаги, их водили на привязи, как лошадей в узде. А пока они были грудными, их подвешивали к стене, чтобы уберечь от крыс и чтобы им было теплее, поскольку тепло от очага, топившегося в общей комнате, струилось вверх. Уходя на работу, младенца в люльке подвешивали к потолку. Итак, ленты в XVII веке могли быть остатками детских лямок или помочей из предшествующей эпохи. Ребенок в них больше не нуждается, но лента – это знак того, что он еще имеет право регрессировать, как если бы в представлении взрослого он еще не до конца расстался с платьем младенца, снабженным шнурками, вожжами, поводком.

Впрочем, и сегодня продаются вожжи для детей, чтобы водить их по универсальным магазинам или по улицам. Считается, что там полным-полно опасностей. Вот детей и припрягают к родителям!

Со Средневековья и до эпохи классицизма тело ребенка воистину заточено, спрятано; публично его обнажают только для того, чтобы высечь, побить. Вероятно, это было огром-

¹ «Сатирическая школьная сцена» (нем.). – Примеч. пер.

² «Садовник» (нем.). – Примеч. пер.

³ *L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime*, 1, 3, p. 83. Le Seuil, coll. «Points Histoire».

ным унижением, так как обнажались именно те части тела, которые полагалось прятать. Когда итальянские или фламандские художники изображают голого ребенка, это всегда ангелочек; его используют в качестве символа. Но мало-помалу Эрос входит в силу... Официально, для церкви, обнаженное дитя остается символом, на самом деле – художники дают себе волю, и тут появляется чувственность, которая вот-вот вырвется на свободу, по крайней мере в иконографии, если не в действительности: ведь детям приходилось позировать перед художниками, и это был единственный случай, когда на ребенка смотрели, любуясь им, восхищались – именно его наготой. В литературе это не описано, однако отрывок из мадам де Севинье, тот, где она говорит о своей внучке, передает нам эротизацию детского тела: «Какое это чудо, надо видеть, как она шевелит пальчиками, как трепещет ее носик...», «...Цвет лица, шейка и все тельце восхитительны. Она делает уйму всяких штук, ласкает, бьет, крестится, просит прощения, кланяется, целует руку, пожсимает плечами, танцует, подольщается, важничает: словом, так мила во всех отношениях. Я забавляюсь ею часы напролет». Возьмем письмо мадам де Севинье от 20 мая 1672 года, посвященное ее «душеньке». Она рассыпает восторги по поводу голого тельца девочки. Но очень скоро замечаешь, что для нее это не более чем игрушка. 30 мая 1677 года вновь по поводу внучки она пишет мадам де Гриньян: «Мне кажется, Полина достойна быть Вашей игрушкой». Бабушка испытывает чувственное, сладострастное наслаждение, но у нее нет ощущения, что девочка – живое существо, человек, с которым она вступает в общение.

Надо сказать, что восприятие ребенка как себе подобного было совершенно чуждо нравам той эпохи, тем более что детей производили на свет много и многие из них умирали. Мадам де Севинье: «Я потеряла двух внучек...» Не то чтобы так прямо говорилось: «Невелика потеря», но все же не без этого. Сходная позиция и у Монтеня, отмечающего, что он потерял двоих детей, с тем же безразличием, с каким отметил бы: «Я потерял двух собак, двух кошек», – это просто часть повседневной жизни.

Монтень даже не пишет «умерли», «скончались» (не знаю, употреблялось ли тогда слово «скончаться») или «Господь их прибрал к себе»... Он сообщает, что потерял две вещи, два предмета. Он не говорит о них как о личностях, чья жизнь окончилась. Что говорят взрослые, когда теряют дорогое для них существо? Они говорят: «Он умер»; в их речи он – субъект, подлежащее. Ребенок в ту эпоху еще не является субъектом высказывания; это лишь объект, дополнение.

Однако на гробницах мы обнаруживаем изображения детей, которые умерли в раннем возрасте и, судя по изображению, должны быть причислены к лику ангелов. Быть может, это первые шаги на пути признания ребенка как такового... но шаги еще робкие, потому что остается вопрос: ребенок, изображенный в виде ангела, – не душа ли это? Взрослых покойников тоже изображают на гробницах в виде детей. Это, несомненно, символ их души.

На иконах Успения Богородицы Христос держит в руке грудного младенца, под которым подразумевается душа Богородицы. Первые, еще нетипичные, робкие признаки появления ребенка как такового не так легко обнаружить. Мы видим изображение ребенка на его надгробии, если он умер в младенчестве, но не можем утверждать, что изображен именно ребенок, а не его душа. Это совсем не обязательно тот самый ребенок, что скончался и погребен тогда-то и тогда-то. Ребенок остается объектом. Пройдет немало времени, прежде чем он будет признан как субъект.

В обществе до 1789 года ученичество – период, через который непременно надо пройти: это рождение ребенка-личности. Ребенок признается как подлежащее при сказуемом «делать» с той минуты, как его помещают среди других, признав за ним способность исполнять полезную работу. Но тогда с ним начинают обращаться как с машиной, со станком: его можно осыпать ударами и даже сломать, выбросить на свалку, уморить (наказывая, отец может и убить).

Живописное изображение ребенка, включая эпоху классицизма, наглядно демонстрирует, что показывается не само тело, какое оно есть, а то, что общество хочет увидеть.

Считается, что анатомическое правдоподобие недостойно Сына Божьего. Разве дух мог воплотиться в незрелом и диспропорциональном создании? Младенцу Иисусу поэтому предпочитают придавать стандартные пропорции взрослого человека: отношение головы к остальному телу – 1:8. Тогда как в младенческом возрасте оно должно быть 1:4.

Голова должна была быть такой же величины, как голова матери. Но это нарушение пропорций указывало бы на то, что ребенок по развитию мозга такой же взрослый, как и мать. Характерно, что на фризах некоторых церквей крестьяне изображены в соответствии с морфологией тела ребенка – пропорции головы и тела 1:4. Здесь художник следует замыслу государя. Необходимо напомнить доброму народу, что только власть является взрослой. А рабы, бедняки, дети – напротив: для них для всех одинаковое изображение, один и тот же художественный прием.

Недавно в Германии (Веймар, 25 мая – 15 октября 1972 года) состоялась выставка «Образ ребенка в творчестве великих художников: Вариации на тему от Лукаса Кранаха до наших дней». Картины периода Средневековья подтверждают уже известное о положении ребенка в ту эпоху, когда он был полностью интегрирован в жизнь взрослого, но одно произведение XV века привлекает особое внимание как явное исключение: «Христос, благословляющий детей». Кажется, живописцы принесли в жертву условностям своего времени все, что можно, но порой неожиданные всплески, прорывы позволяют разглядеть тайный лик вещей, внутреннюю жизнь – то, о чем даже не подозревали их собратья-художники. Таков и случай этой нетипичной картины: на ней изображены застигнутые врасплох играющие дети, не спрятанные под той маской унылых, зловещих карликов, которую, по единодушному согласию, присваивают малышам с XIV по XVIII век. У одного из детей, окруживших Христа («Пустите детей приходите ко Мне»), в руках кукла – несомненно, одна из первых кукол в истории западноевропейской живописи.

Ребенок, если не считать этой нетипичной картины, представляющей собой исключение из всеобщего правила конформизма, изображается не ради него самого. Его телом пользуются для создания религиозных декораций. Он – безделушка на счастье, маленький гений, эскортирующий святых; свою толстощековую личину, свои пухлые ручки и ляжки в ямочках ребенок на время уступает ангелочку, который с множеством себе подобных летит в небесной фарандоле⁴. Церковь так упорно предостерегала умы против маленького незрелого существа, которое может быть лишь вместилищем злых сил, что его принуждают быть ангелом, дабы не был чудовищем. Но из-под этой проникнутой набожностью слащавой маски пробивается лукавая улыбка Эроса. У барочных малюток – мордочки амуров. Кранаховская Венера в немислимой шляпе с цветами дарует одному из ангелочков милость держать ее пояс.

На картинах школы Ленена, где изображены крестьянские посиделки, мы видим грудных младенцев на коленях у отцов или дедов, тут же сидит и мать. Малыши с полной непосредственностью ползают вокруг взрослых. Но все это сцены из крестьянской жизни. В лоне буржуазной семьи, позирующей живописцу, никогда не увидишь такой непосредственности. В крестьянских семьях дитя интегрировано на равных правах со всеми сообразно своему возрасту.

⁴ Фарандола – народный танец, в котором танцующие, держась за руки, образуют длинную цепочку. (Здесь и далее примечания издательского редактора следуют без пометы.)

Даже если оно занимается своими делами в своем уголке, даже если его взгляд не обращен в сторону художника или, как бы мы сегодня сказали, в сторону объектива, у него есть свое место в пространстве картины. Художник ввел его сюда бессознательно, но как неотъемлемый и необходимый для равновесия целый элемент. Поза ребенка разъединяет его со взрослыми, его взгляд направлен в другую сторону. Он здесь как предвестие другой социальной группы, которую он позже выстроит, а сейчас он живет параллельно своим предшественникам, предвещая, однако, новый способ семейного синтеза. Он больше не паразит, и он уже не совсем крепостной в своей семье. С помощью игрушки он выстраивает свою собственную мысль, он изобретает – и он в безопасности.

Художники, вынужденные подчиняться условностям эпохи и на заказ изображавшие навязанные им фигуры, могли внутри картины, посредством кое-каких деталей, создать другую.

Художник хотел, чтобы что-то на его семейном портрете ускользнуло от внимания взрослых, – ему хотелось дать понять, что он сам сохранил душу ребенка, ускользнувшую от всеобщего производительного труда его окружения, его этноса. Потому что художник как-никак всегда маргинал⁵. Он творит для будущего. Он уверен, что не участвует в сговоре сил, подчиненных сиюминутным интересам, и, вероятно, именно поэтому может отождествлять себя с ребенком, который еще принадлежит группе, но уже предвещает будущее. Чтобы зафиксировать тайну будущего, художник ставит себя вне времени.

Выставка включала в себя 150 произведений. Если проследить свершающуюся на наших глазах пятисотлетнюю эволюцию материнского обращения с ребенком в сценах, когда ребенок в колыбели или на руках, мы заметим одну-единственную позу, не являющуюся условной, – на той картине, где младшего ребенка в семье нянчит его старшая сестра. Это не стереотипные мать и дитя. Легкомысленная старшая сестра забавляется со своим братиком, она не чувствует на себе взгляда общества. Это игровая поза – мы обнаруживаем ее только один раз на всей выставке.

На картинах XVIII века ребенок, всегда одетый как маленький взрослый, все же немного выделяется на фоне семьи, выпадает из канонического семейного портрета. Его видишь на лоне природы, играющим в группе детей или с животными. И только в XIX веке он появляется сам по себе – в одежде школьника и в позах, присущих ребенку. У Легро («Erdkundestunde»⁶) уже отмечается явное различие между мальчиками с короткими волосами и девочками в передничках и платьях, с бантами в волосах. Детей изображают в группе или брата вместе с сестрой. В выражении лиц проступают чувства. Ребенок становится человеком, наделенным эмоциональностью.

В современный период – выставка доходит до 1960 года – ребенок выступает, как правило, в группе из двух или трех человек, реже один, но даже если он изображен отдельно от других, его представляют позирующим, как перед фотоаппаратом. Будь то ребенок на войне, ребенок в нищете, ребенок на баррикадах или на празднике – поза безнадежно условна. Расхристанный или принаряженный, он остается обезьянкой, повинующейся маме или художнику-фотографу.

⁵ Маргинал (от лат. *marginis* – край, граница) – человек, находящийся на границе различных социальных групп; изгой. – Примеч. ред.

⁶ «Урок географии» (нем.). – Примеч. пер.

И всюду, вплоть до кубизма, идет ли речь о маленьком буржуа или о маленьком нищем, детство является нам в образе мелодрамы. Главным образом это относится к маленьким мальчикам. Девочки вплоть до Второй мировой войны остаются «примерными».

Прорыв к свободе на холсте, датированном 1950 годом и принадлежащем кисти немецкого художника, неизвестного во Франции: ребенок, изображенный, кажется, ради него самого, один, с каким-то двусмысленным выражением лица, отсутствующим, мечтательным. На других полотнах ребенка запечатлевают несчастным или эксплуатируемым или, по канону советского реализма, пионером своего отряда, чистеньким и точно копирующим господствующую элиту. Но не изображают того, что в нем неумовимо и непознаваемо.

Идеологический пафос взрослого беспрестанно скрывает ребенка от него самого, лишает его собственной истории.

Вплоть до нашего века с помощью фаллокрации⁷ насаждалась ложная идея, исходя из которой девочки в присутствии мальчиков ощущают отличие собственного пола только как отсутствие пениса. А в какие моменты своей эволюции мальчики и девочки обнаруживают свою принадлежность к тому или иному полу?

К этому ведет опыт, совершенно различный для мальчика и девочки. Это могут наблюдать все матери, как наблюдала я сама. Так есть и будет со всеми мальчиками, так было и с моим сыном Жаном.

Идеологический пафос взрослого беспрестанно скрывает ребенка от него самого, лишает его собственной истории.

До сих пор Жан прекрасно знал, что набухание его члена часто сопровождается желанием сделать пи-пи. Он мочился, и его пенис расслаблялся. Этого было ему достаточно, чтобы установить связь между явлением эрекции и функцией мочеиспускания.

Но вот сегодня – ему только что исполнилось 29 месяцев – он замечает необыкновенную перемену: его пипочка напряглась, он полагает, что сейчас сделает пи-пи. Но ничего подобного не происходит, хотя пенис набух. Этот инцидент повторяется. Когда эрекция проходит, он может помочиться. Впервые он предчувствует, еще не находя слов, чтобы это высказать, что его член может вести свою собственную жизнь, не связанную с мочеиспусканием. Жан испытал то же, что все мальчики его возраста. Между 28-м и 30-м месяцем младенец мужского пола открывает для себя эрекцию пениса, не связанную с мочеиспусканием, и в этот момент он пробуждается для осознания того факта, что он – мальчик.

Девочки обнаруживают свою сексуальную идентичность, интересуясь «пуговками» своих грудей, а также сходной с ними на ощупь «пуговкой» половых органов и трогая их. Игры с этой эрогенной зоной служат наиболее бесспорным признаком, что в жизни девочки наступил миг, когда она сделала открытие об этом великом различии.

Когда в Бретонно я, молодой экстерн, делала маленьким пациентам с ожогами перевязки, я замечала, что девочки, чтобы вытерпеть боль, нервно трут себе соски. Перевязки при ожогах болезненны. При пересадке кожи требуется еще большая осторожность в манипуляциях. У меня получалось более или менее ловко – еще в бытность мою санитаркой я накопила кое-какой опыт, – и, если меня не оказывалось на месте, дети даже требовали, чтобы меня

⁷ Фаллокрация (от греч. phallos – половой член и kratos – власть) – социокультурная установка одностороннего наделения мужчин властью и правами. – (Здесь и далее В. К. – Виктор Коган, научный редактор первого издания книги на русском языке.)

позвали. Однажды меня вот так позвали к изголовью шестилетней девочки, я начала отмачивать повязку, чтобы отделить ее от раны, и вижу – это уже не было для меня неожиданно, – как ребенок ласкает набухшие «пуговики». Няня, до этого смотревшая в другую сторону, заметила это и здорово отругала малышку: «Я с тебя глаз не сведу, ты у меня бросишь этим заниматься, мерзавка!» Мне стоило большого труда успокоить ее. «Ей больно, она нуждается в утешении. Таким способом она напоминает себе, что у нее была мама, которая давала ей грудь...» – «Знаем, знаем! Нечего ее оправдывать, детей-паршивцев я в палате не потерплю!» – негодовала эта сотрудница детского дома, не желавшая ничего знать о том, что примитивное либидо может служить обезболивающим средством.

Когда я занималась психоанализом, меня поразила одна маленькая девочка, которой не было и трех лет. Я пришла к ее матери и принесла девочке в подарок куклу. Девочка немедленно перевернула ее вниз головой, раздвинула ей ноги и, стащив с нее штанишки, швырнула куклу в угол со словами: «Плохая». – «А чем же она плохая?» – «У нее нет пуговики». Сначала я решила, что она имеет в виду пуговики, на которые застегиваются кукольное платье и комбинезончик. Ничуть не бывало. Речь шла не об этих пуговках. Девочка показала мне обнаженную промежность куклы. «Ах, у нее должна быть пуговка на теле?» – «У меня их целых три!» Малышка говорила о своей половой системе, пуговики означали соски и клитор. В дальнейшем мне много раз приходилось слышать, как маленькие девочки говорят о «трех пуговках» – «одна внизу, с дырочкой», а две другие «на грудках».

Вне всякого сомнения, именно прикосновение к грудным железам пробуждает у девочек (и задолго до того, как они увидят голенького младшего брата или другого мальчика на пляже или в ванной) сознание того, что они принадлежат именно к женскому полу. Думать, будто девочки, не обладая пенисом (который для мальчиков прежде всего орган, нужный, чтобы делать пи-пи), не ощущают и своей половой принадлежности – мужское заблуждение; половая принадлежность, несомненно, сразу ассоциируется для девочек с удовольствием, не зависящим от потребностей, а связанным с желанием, тогда как у мальчиков удовольствие, получаемое от эрекции пениса, прежде всего связано с удовольствием от удовлетворения потребности, и лишь потом оказывается, что оно может существовать и независимо.

У девочек огорчение от отсутствия пениса очень скоро возмещается уверенностью, что скоро у них вырастут груди. Отсутствие или медленное развитие грудных желез нередко оказывается драмой. Не легче переживается и их гипертрофия.

Мальчик до двух с половиной лет может не обращать внимания на отличия половых органов у девочек; он начинает беспокоиться по этому поводу, когда замечает, как меняется в размере его собственный половой орган при мочеиспускании. И он начинает испытывать страх увечья. Эрекция исчезает. Вернется ли она? Не утратит ли он свой способный к эрекции пенис? Этот страх – лишь запоздалая проекция первоначального страха кастрации. Он – бессознателен. И происходит оттого, что при этом – бессознательно же – мы сравниваем его с процессом поглощения пищи: кусочек за кусочком, и она исчезает целиком и бесследно. Этот страх расчленения особо фиксируется на выступающих частях тела. Египтяне запеленывали руки покойникам, чтобы человек попадал в царство теней весь целиком. Для того чтобы все существо ребенка продолжало развиваться, нужно, чтобы он сознательно заботился о целостности своего тела. Для ребенка это вовсе не само собой разумеется. Если на него наденут перчатки, он не понимает, куда делись его пальцы. Он перестает доверять глазам, для зрячего ребенка это болезненно. Надо ощупывать пальчики ребенка, чтобы он в полной мере ощутил их и безбоязненно просовывал один за другим в перчаточные пальцы. (Обычно, когда на него натягивают перчатки, он рассеянно смотрит в другую сторону.) То же самое, когда ребенку примеряют обувь, – он поджигает ножку: он ее «потерял». Это кошмар продавщиц обувных магазинов. Если ребенку меньше шести, он удирает, его ругают, мать нервничает. Продавщицы бывают благодарны мне, когда я кладу конец их пытке, рекомендуя им такой способ: прежде

чем мерить детям новую обувь, поставьте их на колени; не видя больше своих ног, они отвлекаются и позволяют себя обувать.

Страх кастрации у мальчика выражается не только в боязни при виде того, как опадает пенис, но и в опасении перед всяким увечьем, например потерять пальцы. Девочка младше трех лет, увидев пенис мальчика, может предположить, что у нее тоже был пенис, – она точно так же боится утраты частей своего тела и связанных с этим переживаний.

Страх кастрации у мальчика выражается не только в боязни при виде того, как опадает пенис, но и в опасении перед всяким увечьем, например потерять пальцы.

Никто никогда не решит проблему страха кастрации. Из него вырастает наше ощущение смерти. Частичка за частичкой наступает расчленение, а за ним – полное и последнее уничтожение плоти, та часть нашего существования, которая называется смертью. Разговор же об этом успокаивает.

У негров каждый взрослый говорит мальчику перед инициацией: «Возьму и отрежу тебе пинку». Это входит в ритуал общения. А ребенок и не думает ему верить. Но он доволен, что с ним говорят о его половом органе.

А мы поднимаем крик: «Ни в коем случае нельзя этого говорить, это наносит травму ребенку!» Смотри как говорить. Пускай это будет «для смеха». Выразить словами страх, знакомый каждому мальчику, – благотворное средство⁸.

Кто знает, отчего девочка, по распространенному у психологов выражению, «заражается женственностью» от своего отца, а мальчик «мужественностью» – от матери? Нарушениям сексуального поведения, двусмысленности самоощущения, колебаниям в ощущении своей сексуальной принадлежности, страху перед женщиной-матерью и т. п. могут способствовать какие-то уже забытые обстоятельства, факты из раннего детства, на которые не обратили внимания и которые обнаруживаются лишь в результате позднейшего психоанализа.

Мне позвонила одна мать, которую беспокоила жестокость сына-подростка. По ее словам, он нападает на улицах на женщин, которые похожи на нее. Кроме того, она сообщила, что он и на нее поднимает руку, когда она заботится о дочке: «Сестра – моя, не трогай». («Он так поступает с тех пор, как был „совсем маленький“?» – «Да, с тех самых пор».) Наверняка этому мальчику было необходимо, чтобы в первый же раз, когда мать услышала, как он предъявляет права собственности на сестру, она отняла у него малышку. И отец, в силу своей позиции в семье, не мог заставить сына уважать свою жену – ни на словах, ни поведением, он не смог запретить сыну видеть в ней и в сестре сексуальный объект, не смог заставить сына видеть в них «женщин, с которыми он никогда не вступит в сексуальные отношения», подобно тому как и сам он, его отец, никогда не посягал ни на свою мать, ни на сестру, ни на бабу, ни на двоюродную бабу своих детей.

⁸ На фантазме кастрации (*фантазм* – см. с. 50), как ответе ребенка на загадку анатомического различия полов (присутствие или отсутствие пениса; различие приписывается усечению пениса у девочки) основывается комплекс кастрации. Его структура и следствия различны у мальчика и девочки. Мальчик боится кастрации как осуществления отцовской угрозы в ответ на свою сексуальную активность. Комплекс кастрации тесно связан с комплексом Эдипа, особенно в его функции нормирования и запрета. См.: *Лапласи Ж., Понталис Ж. – Б.* Словарь по психоанализу / Пер. с франц. Н. С. Автономовой. М.: Высшая школа, 1996. С. 197–202.

Невысказанное, оставаясь для ребенка двусмысленным, затягивает опасность инцеста⁹. Важно сказать подростку, что он не может занять в семье место отца и что между его родителями существуют отношения мужа с женой, на которые он не может претендовать; в свое время он вступит в такие отношения не с матерью, а с другой женщиной.

К несчастью, определенные вопросы годами остаются без ответа и годами зреют, как опухоль, в позорной или священной двусмысленности. Запрет на инцест должен быть внятно произнесен в ответ на немой вопрос. А если девочка берет у мамы сумочку и туфли и носит их с ними – это опять-таки немой вопрос: «Как мне стать женщиной, ведь грудь у меня плоская, а пипки, как у мальчиков, у меня нет?» Девочки верят, что у матери она есть. Немой вопрос мальчика, который наряжается в мамины вещи: «Когда я стану большим, я стану, как ты, женщиной? У меня тоже будут детки в животе?» Не следует упускать возможности объяснить ему, какого он пола: «Ты никогда не будешь женщиной. Если ты хочешь играть, как будто ты уже большой, надень лучше папины ботинки!» Это напоминает мне одну девчужку четырех с половиной лет, которая говорила: «Когда я стану бабушкой, я буду делать с внуками то-то и то-то». Она уже переросла время, когда девочка не знает, что она девочка. Но никто не позаботился ей объяснить: «Когда ты состаришься, ты будешь бабушкой, и то не просто потому, что ты уже старенькая, а только если у тебя будут дети, которые тоже родят своих детей». Двусмысленность болтовни, на которую не обращают внимания, может остановить сексуальное развитие. Ребенок может сколько угодно забавляться, подражая детям или взрослым другого пола, но лишь при условии, что это игра, а не план будущего.

Двусмысленность болтовни, на которую не обращают внимания, может остановить сексуальное развитие. Необходимо найти для ребенка точные слова и объяснить наличие опасности в слепом следовании соблазну и неумении устоять перед ним, тем самым помочь устоять перед искушением.

Этой разницы между игрой и реальностью детям не объясняют. Хотя последнее необходимо точно так же, как разъяснять им, почему детям нельзя трогать электрическую розетку. Необходимо найти для ребенка точные слова и объяснить наличие опасности в слепом следовании соблазну и неумении устоять перед ним, тем самым помочь устоять перед искушением.

Детская сексуальность: Стена умолчания

После Второй мировой войны воспитателей стал тревожить мучительный вопрос: нужно или нет вводить сексуальную информацию в рамки школьной программы?

Я присутствовала на официальном собрании, организованном в Сорбонне. У инспекторов академии эта перспектива вызывала ужас; они видели только одно средство охладить горячку пубертатного возраста. Им представлялось естественным раздавить всех этих юнцов интеллектуальным трудом и физическими упражнениями, чтобы у них не оставалось ни времени, ни сил мастурбировать ночами в дортуарах. Умственная и физическая усталость прогонит фантазии, связанные с неосознанными половыми побуждениями, дружеские и чувственные взаимные привязанности детей или детей и взрослых – и гетеросексуальные, и гомосексуальные. Последний триумф Жюль Ферри¹⁰, последний штрих его этики воспитания.

⁹ Инцест (от *лат.* in– отрицание, eastus– чистый, непорочный) – кровосмешение, сексуальные отношения между кровными родственниками (родителями и детьми, братьями и сестрами).

¹⁰ Жюль Франсуа Камиль Ферри (1832–1893) – французский политический и государственный деятель. Участник Парижской коммуны. Премьер-министр Франции (1880–1881 и 1883–1885). В области образования – автор тех двух законов (1879–1883 гг. – Жюль Ферри министр народного образования), которые положили начало коренным переменам в области органи-

В крайнем своем выражении это принудительное «лечение» вытекает из логики концлагеря: пайку уменьшают до тех пор, пока заключенные не начинают думать только о еде, вместо того чтобы думать о межличностных отношениях. У измученных людей, которым грозит смерть, если они бросят работу, не остается времени для межличностного обмена.

Эксплуатируя человека, его энергию либо используют, либо переключают на что-либо другое.

Когда настала пора подправить педагогику по Жюлю Ферри, введя в нее сексуальное просвещение, руководители лицеев довольствовались тем, что ввели еще одно упражнение по риторике, с сухими и безличными рассуждениями на заданную тему. Не все можно объяснить в терминах биологии, если имеешь дело с возрастом, когда человека буквально распирает и он непрерывно фантазирует.

В любом случае, эта информация чересчур запаздывает. Потому что сексуальность играет важнейшую роль с самого момента нашего появления на свет; ребенок без конца выражает ее день за днем на языке тела. Неосознанные половые влечения влекут за собой межличностную коммуникацию, которая остается неизменно одной и той же между людьми с начала их жизни. Они проецируются в язык, но в язык, соответствующий уровню нашего развития. К моменту созревания, когда появляется чувство ответственности, психика, являющаяся метафорой тела, могла бы уже оказаться достаточно зрелой для ответственности за половой акт, в котором сочетаются эмоциональные, социальные и психологические отзвуки. Но чтобы очутиться на этой стадии, нужно было бы с самого детства смотреть на это как на факт – ни плохой, ни хороший, а вытекающий из человеческой физиологии, и как на действие, совершаемое ради оплодотворения. Стиль этой созидательной игры коренным образом изменяется с появлением чувства взаимной ответственности двух людей, каждый из которых принадлежит определенному полу... Да еще этому должна предшествовать долгая подготовка – появление чувства ответственности за свои поступки... А пока его и в помине нет: нравственное воспитание ни в малейшей степени не подразумевает структурированной этики желания; существует лишь воспитание-маска, чтобы скрывать от других неназванные желания, уже испытываемые, но утаиваемые. К чему сводится воспитание гражданина в ребенке? Его учат переводить слепых через улицу, уступать место старушке, знать, как надо голосовать... Вот и все гражданское воспитание... Но никто не воспитывает в ребенке чувства достоинства его тела, никто не прививает ему сознания того, что все части его тела благородны; а когда не знаешь, как обращаться с собственным телом, как поддерживать его, способствовать его росту, уважать его ритмы, происходит декомпенсация, а значит, отток человеческих сил... Все это следовало бы иметь в виду и учитывать в воспитании с ясельного возраста. Но ничего подобного не делается: люди сидят на голодном пайке, что усугубляется полным замалчиванием этих вещей в школе; человек о них понятия не имеет и неспособен воспринимать то, что происходит с его телом... Это малоутешительно.

Из того, как изображают естество ребенка пластические искусства, а также из литературы о ребенке становится ясно, что практически вплоть до нашего века тело отделяли от души. Все предопределено: образованию подлежит «дух», то есть мозг ребенка, а о теле забывают (или даже уличают его во всех пороках, грехах... взваливают на него все зловерное, негативное). О теле забывают, вытесняют его в тень во всех случаях, кроме тех, когда ему достается хлыст или палка или когда ему запрещают двигаться. Естественная активность тела считается грубой, она словно оскорбляет человеческий разум, унижает человеческое достоинство. А между тем у нас во французской культуре существует Рабле, который мог бы быть для нас с ясельного возраста

зации школьного обучения во Франции: 16 июня 1881 года – закон о бесплатности школьного обучения, 28 марта 1882 года – об обязательности его со светской программой. Реформа школьного образования, связанная с именем Ж. Ферри, изменила характер самого обучения, ввела новую мораль. См. подробнее: *Чистяков Ив.* Образование народа во Франции: эпоха Третьей республики (1870–1902). М., 1904.

властителем дум и словаря. Рабле посредством языка сублимирует все относящееся к телу, к пище и в то же время все наиболее трансцендентное¹¹, поскольку, что ни говори, а Гаргантюа все же родился «от уха» Гаргамель; именно «от уха», а не «из уха» матери. Он родился от слов, которые слышала его мать. Он рожден от языка... и с рождения принадлежит человечеству. И из языка он сотворил слова, сотворил радость для всех сразу, для всех, кому не нужно скрывать никакой эротика. Это эротика для радости целой группы.

Самая лучшая подготовка к сексуальному просвещению – с раннего детства приобщаться к языку самой жизни, который метафорами рассказывает обо всех функциях тела.

Даже в современном доме, оснащенном всевозможной техникой, остаются обрывки этого метафорического языка: розетка входит в штепсель, окно закрывается при помощи шпингалета, который проникает в гнездо. Все это – метафоры продуктивной сексуальности, которая приводит к сцеплению и в конечном счете приносит удовольствие, счастье, да и гражданскую пользу тоже.

Я думаю, что сегодня в системе воспитания существуют два заблуждения, в силу которых подросток не может прийти к согласию с собственным телом: физические упражнения полностью ориентированы на соревнование, а не на знакомство с собственным телом и радость игры. Ребенку, обучающемуся в школе, тестируемому, обязанному заниматься спортом, точь-в-точь как сдавать экзамены, не хватает радости, которую получаешь от игры, в которой, правда, есть победитель и побежденный, но, если игра была хороша, проигравший не испытывает унижения от своего проигрыша. Второе воспитательное заблуждение – это пренебрежение к рукам и обеднение языка, сказывающееся на понятливости и сноровке. Из словаря удалили все конкретное – все, что относилось и к функциям тела, и к предметам, которыми манипулируют. И это проделывают с ребенком всё в более и более раннем возрасте. Лет двадцать назад в начальной школе арифметика оперировала реалиями (весами, склянками, бассейнами, краями...). Сегодня даже в математике ребенка очень быстро обучают манипулировать (мысленно) совершенно абстрактными понятиями. Спорт, который полностью сводится к соревнованию, и абстрактный язык, уже у ребенка восьми лет переполненный абстракциями, не могут помочь ему жить в добром согласии со своим телом.

Мы облегчаем себе совесть, говоря: «Теперь дети занимаются спортом... Теперь существует языковая свобода, ведь дети могут говорить родителям или при родителях грубые слова». Но это совсем другое! Таким образом можно высвободить определенную агрессивность, но это совершенно не то, что формирует личность. Этот язык лишен креативности¹². У наших детей больше нет словаря. Мы движемся в обратную сторону от того, что могло бы обеспечить подростку равновесие.

Как объяснить этот упорный обскурантизм¹³, который воздвиг стену молчания перед детской сексуальностью и заставляет родителей и воспитателей Третьей республики¹⁴ делать вид, будто никакой детской сексуальности не существует?

¹¹ Предельно общие понятия; предшествующее опыту и независимое от него знание, организующее конкретный опыт. – В. К.

¹² Креативность – творческий, созидательный потенциал. – В. К.

¹³ Обскурантизм – враждебная установка к просвещению и науке. – В. К.

¹⁴ Третья республика существовала во Франции с 1870 по 1940 год; у Дольто это синоним довоенной Франции, когда в образовании господствовали принципы, заложенные Жюлем Ферри. – *Примеч. пер.*

Из памяти взрослого изглаживается все, относящееся к доэдиповому возрасту¹⁵. Вот почему общество с таким трудом признало детскую сексуальность. В предыдущие века о ней знали только кормилицы. Родители о ней понятия не имели. Кормилицы знали, потому что, в отличие от родителей, и в буржуазной, и в крестьянской среде существовали на том же уровне, что и дети. Те, кто занимался детьми, всегда стояли особняком: они понимали язык до речи, понимали не словами, а поведением. Когда Фрейд заговорил о мастурбации у детей, родители подняли крик, а кормилицы говорили: «Ну да, конечно, все дети так делают...» Почему же они раньше об этом не говорили? А дело в том, что для большинства взрослых дети играли роль животных, которых не то держат дома на положении четвероногого друга, не то разводят в хозяйстве – смотря по тому, любят их или нет.

*В таком обществе, какое существовало еще в XVII веке, многие дети из зажиточных слоев общества воспитывались у кормилиц и довольно благополучно и рано достигали возраста самостоятельности. Возникает вопрос: не потому ли при кормилицах они легче переживали свою детскую сексуальность, что кормилицы не налагали запретов, которые стали налагать на них матери позже – в XVIII веке или в XIX, когда начали сами кормить своих детей?*¹⁶

Детство Людовика XIII, о котором упоминает Филипп Ариес, показывает, каким может быть ранний возраст без запретов. До шести лет взрослые вели себя с принцем извращенно: играли с его половым членом, позволяли ему играть с половыми органами других людей, ложиться в постель к взрослым, шалить с ними. Все это было позволено. Но в шесть лет его вдруг одевают по-взрослому, и отныне он должен вести себя как взрослый, повинаясь «этикету»¹⁷.

Такое положение как будто чревато травмами для ребенка, однако было в этом все же нечто изначально спасительное, поскольку за первые годы жизни ребенок успешно пережил свою сексуальность с чужими людьми, а не с родителями. У него было больше шансов благополучно миновать все трудности, несмотря на то что потом его чересчур рано переодевали во взрослое платье. Его пример распространяется только на богатые классы. А как ребенок из других слоев общества в ту эпоху мог подавить и сублимировать желание инцеста? Ему помогало то, что он очень рано начинал работать. Мать беременела часто, один младенец сменял другого на коленях у матери, и привилегия на чувственные удовольствия представлялась старшему уделом малышей, тогда как сам он уже оказывался занесенным в список семейных работников. Он понимал, что права на мать принадлежат тому, кто зачинает детей, а сам он в силу своей половой незрелости должен быть отвергнут матерью. Отец или заместитель отца присутствовал постоянно, и все время, пока продолжалась плодоносная, детородная пора жизни женщины, оттеснял ребенка в сторону, поскольку тот уже не мог быть младенцем, но и не мог еще сам производить на свет детей. Неудивительно, что девочки с четырнадцати лет были сексуальными объектами для стариков. Может быть, именно таким образом и выразался инцест, который, в сущности, просто наступал с опозданием: «Когда я вырасту большой, я смогу обладать женщинами возраста моей матери... Когда я состарюсь, я смогу обладать моей дочерью в образе другой женщины...» Ситуация Агнессы в «Школе жен»¹⁸ была, вероятно, совершенно обычной. Я думаю, что открытие Фрейда закономерно пришлось на эпоху, когда дети гораздо чаще стали жить в семье, вместо того чтобы воспитываться у кормилиц или с самых юных лет

¹⁵ Доэдипов возраст – до 3–5 лет. – В. К.

¹⁶ *L'Histoire des mures du Moyen Age a nos jours*. Yvonne Knibiehler, Catherine Fouquet. P. 90.

¹⁷ Ph. Ariès, ouvrage cité, I, 5. P. 145.

¹⁸ Имеется в виду комедия Ж. – Б. Мольера «Школа жен» (в другом переводе – «Урок женам»).

уходить из семьи и приниматься за труд. В сегодняшней семье-ячейке, прежде всего в городах, трудности и конфликты куда более взрывоопасны, особенно когда протекают в скрытой форме. Сегодня ребенок вступает в контакт с куда более ограниченным числом взрослых, чем в былые эпохи. В XVII и XVIII веках ребенок мог переносить свои инцестуозные чувства на других женщин, которые находили весьма забавным играть в сексуальные игры с маленькими мальчиками и юношами, которым они не приходились матерями. В сущности, легко убедиться, что сплошь и рядом сегодня ребенок, который видится с бабушками и дедушками только изредка, на семейных сборах, во многих отношениях все больше и больше замыкается в триаде: отец – мать – единственный ребенок. Ребенок втиснут в эту ячейку – а ведь сейчас принято говорить, что благодаря телевизору, групповым экскурсиям и путешествиям пространство жизни ребенка расширилось. Но все относительно. Материальное пространство расширилось, а пространство эмоциональных связей сузилось.

Для переживания чувств, сопровождающих отношения между людьми, у ребенка остается куда меньше простора, чем прежде; он стал гораздо ближе к родителю и родительнице – они ему и кормильцы, и воспитатели. Прежде они вообще были не кормильцами, не воспитателями, а коллегами по трудовым и представительским ритуалам. Он действовал, как они, по отношению к миру, по отношению к пространству, а между ними стояло много взрослых-заместителей – с ними он проигрывал свои чувства и свою инцестуозную сексуальность, которая посредством переноса¹⁹ переходила на людей из родительского окружения.

Существовали и такие отдушины, как карнавалы, маскарады.

Эти праздники приносили вседозволенность неосознанных сексуальных стремлений, скрытых под маской, по меньшей мере раз в году, – в Северной Европе были два дня в холодное время года, масленица и средопостье, когда родственники и соседи, жившие бок о бок, ощущали свою анонимность: лица скрывались под масками, и можно было переживать сексуальные желания, игры, фантазии, а иногда и осуществлять их, не отождествляясь с ними, – на то и масленица.

Сегодня последний день карнавала считается праздником отцов и превратился в чисто рекламное мероприятие по продаже всяких безделушек. Взрослые больше не переживают праздников «спускания паров» – даже в тех местах, где хотят продолжать подобные праздники из коммерческих соображений, как в Ницце, или на Севере, или с Жильями (клоунами) в Бельгии²⁰. В нашем обществе несомненно происходит куда большее подавление желаний, чем раньше. В том числе и на уровне детей. Похоже, что в былые времена не было таких, как сейчас, запретов на сексуальные игры ни между детьми (кроме как между братьями и сестрами), ни между детьми и взрослыми (кроме как с родителями).

В XIX веке запреты существовали, но жизнь знает множество путей обойти их. Немало юношей получили первый любовный опыт со служанками. Что до девушек, то их потому и выдавали замуж очень рано, что знали: замужем или нет, они все равно станут для мужчин сексуальным объектом, и пусть уж лучше за это будет отвечать какой-нибудь мужчина, которому отец вручит свою дочь для защиты. Нам с нашими нынешними представлениями странно, что дочь вручали зятю вместе с деньгами, как будто жена – обуза, вместо того чтобы требовать денег у будущего зятя, как это делается в некоторых африканских странах, где жену приходится покупать, потому что она представляет собой ценность. У нас – наоборот: приданое должно было подсластить пилюлю. На Западе в зажиточной среде замужество дочерей было до недав-

¹⁹ Перенос, трансфер – в психоанализе означает процесс, посредством которого бессознательные желания переходят на те или иные объекты в рамках определенного типа отношений, установившихся с этими объектами. См.: Лапласи Ж., Понталис Ж. – Б. Словарь... С. 531–540.

²⁰ См.: *Le Carnaval de Binche*. Samuel Glotz (1975). Ed. Duculot.

него времени сродни узаконенному сутенерству. Торг по поводу приданого приносил в брак оттенок продажности. Во-первых, приданое сразу сообщало инфантильность зятю, якобы не способному самостоятельно обеспечить содержание жены, поскольку он не в состоянии даже дать за нее столько, сколько она стоит. Во-вторых, инфантильность придавалась и жене – ей словно говорили: «За тебя надо платить – сама ты ничего не стоишь». Кроме того, этим признавалось, что дочь – предмет владения отца, которому недешево стоило избавиться от этой своей собственности. Давая за дочь приданое, он расписывался в любви к ней, и несмотря на то, что отныне она принадлежала другому мужчине, приданое, выделенное отцом, обеспечивало ему материальное присутствие в семье дочери.

2 глава Вина

«Пустите детей приходить ко мне», или Откуда берется чувство вины

До XIII века дети причащались, начиная с крестин, каплей освященного вина, которую вливали им в губы. В XIII веке мальчики причащались публично в 14 лет, девочки – в 12. После Тридентского собора²¹, в XVI веке, мальчиков и девочек стали допускать к алтарю в 11–12 лет. Папа Пий X, снизивший этот возраст до семи лет и учредивший причастие с глазу на глаз, которому предшествовала исповедь²², преподнес «невинным душам» отравленный дар, хотя полагал, что следует словам Христа: «Пустите детей приходить ко Мне».

Это новшество в католичестве было плодом заблуждения, соединенного со справедливой и великодушной идеей. Оно повлекло за собой очень раннее ощущение ребенком чувства своей виновности и эротизацию признания, сделанного другому лицу, прячущемуся в потемках исповедальни. Чтобы приобщиться к таинству покаяния, ребенок должен проникнуться чувством своей греховности. Ребенок не чувствовал за собой вины перед Богом; с малолетства он знал, что совершил проступок в том случае, когда не угождал взрослому. Он бывал счастлив или несчастлив в зависимости от того, получал ли он от своих воспитателей похвалы, конфеты или наказания, удары палкой. У него не было никакой возможности отделять добро и зло от удовольствия и неудовольствия.

На исходе детства достаточно было единожды исповедаться во всех грехах в момент торжественного причастия, после чего по отношению к Богу, в мистическом плане, человек становился равен своим родителям.

Для западного христианства это новшество оказалось освящением ритуала, утверждавшего ценность чувства вины в том (доэдиповом) возрасте, когда ребенок смешивает воображение и мысль, бессознательное желание и поступок, слово и действие, и, что еще хуже, Бога, и своих родителей, и воспитателей.

Пока причастие с глазу на глаз не испортило все дело, на исходе детства достаточно было единожды исповедаться во всех грехах в момент торжественного причастия, после чего по отношению к Богу, в мистическом плане, человек становился равен своим родителям. Кроме того, это был возраст вхождения в общество. В те времена в Европе многие дети в 12 лет уже оказывались брошены в мир труда, покидали родительский очаг, сталкивались с действительностью и с точки зрения человеческих законов становились подростками, отвечающими за себя. Согласно семейному обычаю, накануне торжественного причастия они просили прощения у родителей за все, чем их вольно или невольно обидели, пока они были детьми. Затем, после этого семейного и общественного, приходского праздника девочки совместно с женщинами, а мальчики с мужчинами включались в жизнь общества. Они принимали участие в беседе во время еды, имели право голоса в семье, чего до сих пор у них не было. Во Фран-

²¹ Вселенский собор католической церкви, заседавший в г. Тренто (1545–1547, 1551–1552, 1562–1563 гг.) и г. Болонья (1547–1549) установил строгую церковную цензуру, усилил гонения на еретиков. Его работа – начало реставрации католицизма.

²² См.: Декрет Конгрегации Таинств «Quam singulari», 8 августа 1910 г. (Приложения, практические правила I, стр. 523).

ции в семьях, где детей продолжали воспитывать как до Пия X, дети еще в 1940-м году получали право разговаривать во время еды только после первого причастия, которое торжественно отмечалось в 11 или 12 лет (в 6 классе лица). В этих семьях причастие с глазу на глаз не допускалось. Все это – через три года религиозного образования, на первом или втором году обучения второй ступени. Следовательно, до этого не было никакой исповеди: в проступки против мирской морали, «ребяческой и честной», не вмешивали Бога. Таким образом, религия не требовала, чтобы дети, подчиняясь прихотям или неврозам своих родителей или воспитателей, различали добро и зло перед Богом.

Ребенок не знает меры своей свободы в поступках, приятных или неприятных, полезных или вредных для других и для него самого. Когда он это осознает, он обретает и понятие добра и зла, что большей частью не имеет ничего общего с духовным грехом. Чувство вины – мирское чувство.

С точки зрения этнологии допуск к алтарю для причастия может рассматриваться как ритуал перехода.

Когда-то это так и было, но после Пия X положение вещей изменилось.

Есть таинство, установленное Христом, основателем религии, а есть ритуал, сопровождающий дарование этого таинства. Если этот ритуал вводится вовремя, он освобождает и способствует продвижению вперед. Но если то или иное таинство, вместо того чтобы развивать доверие к себе и к другим, развивает чувство вины – оно преждевременно. Смешивать таинство покаяния с таинством святого причастия само по себе нехорошо, но к этому добавляется еще путаница между сутью этих таинств и случайными обстоятельствами ритуалов. Разумеется, все зависело от того, каким образом отцы и матери (особенно матери) готовили ребенка к этой самокритике перед лицом Закона Божьего, а не перед их собственными правилами. Так мало взрослых воспитателей подают в этом пример детям, наблюдающим за их жизнью. Слишком немногие питают доверие к жизни, а значит, и к своему ребенку, и к его интуиции – я говорю здесь только о телесной жизни. Многие взрослые сеют недоверие к себе и к другим, страх перед опытом, страх перед болезнями (хотя люди уже научились избегать заражения). Чувство вины царит повсюду, даже в смерти. Когда-то казалось важным строгое соблюдение полагающегося ритуала – поста. К причастию полагалось идти натощак. Почему бы и нет – считалось, что натощак чувствуешь себя свободнее... Но этим закреплялась определенная двусмысленность, как будто бы духовная, мистическая трапеза, связывавшаяся со Словом Христа, символическое питание нашей человеческой реальности, противостоит пищеварительному комфорту. А возможно ли обойтись без ощущения телесного благополучия, которое служит нашей временной и пространственной жизненной ориентации? Возможно ли без этого изменение себя самих, да, в сущности, и духовное созидание?

Почему причастие начинается именно с семи лет, предполагаемого «разумного» возраста? Почему не с 0 до 7, как у православных? Ребенок участвует во всем, во все вмешивая свои магические интерпретации действий «брать» и «делать», магию оральности и анальности²³. Он не знает меры своей свободы в поступках, приятных или неприятных, полезных или вредных для других и для него самого. Когда он это осознает, он обретает и понятие добра и зла, что большей частью не имеет ничего общего с духовным грехом. Чувство вины – мирское чувство. Ребенок чувствует, что неразумно поддаваться соблазну неблагоприятных поступ-

²³ Оральность – связь проявлений либидо (сексуальности) с полостью рта, анальность – с задним проходом; первые две фазы сексуального развития по З. Фрейду. – В. К.

ков, которые огорчают родителей и на которые наложен родительский запрет. Он считает себя виновным, когда, удовлетворяя какую-нибудь потребность или желание, поранится из-за собственной неловкости. В эпоху телесных наказаний его за это били по чувствительным и подвижным частям тела, и это наказание исходило не от Бога, но от сторожа, охранявшего свое достояние, поскольку испорченное ребенком его тело также было частью этого достояния. Но начиная с того момента, когда ребенок начинал испытывать чувство вины, им руководили веления Бога, которые не следует путать с человеческими приказами. В православии прежде, чем ребенка допустят к причастию, он должен пройти через двухлетнее религиозное обучение, подготавливающее его к торжественному личному причастию. Исповедь происходит на глазах у всех, посреди хоров; священник стоит тут же, но кающийся обращается к иконе Спасителя. Ребенок ничего не говорит о своей частной жизни. Священник спрашивает: «Грешил ли ты против Первой заповеди?» – «Да, грешен». – «Против Второй заповеди?» – «Да, грешен... Я грешен во всем». Но его поступки не передаются в подробностях любопытному собеседнику. Изучив за два года обучения начатки своей религии, ребенок после маленького семейного праздника вновь допускался к причастию – уже как «взрослый, отвечающий за свои поступки».

Многим детям трудно даже разобраться в том, что такое грешить действием, и тем более в том, что такое грешить упущением. Ну а понятие «грешить мыслями» для ребенка вообще не имеет смысла.

У ребенка-католика все не так: с пяти лет его подчиняют малой катехизации²⁴. В детском воображении место родителей занимает Бог. Вместо пробуждения к духовной жизни ритуал низводится до психологического осмысления мистики и до эротизации отношения Бога к ребенку и наоборот. Для взрослых это было способом оказать давление на ребенка, пригрозив ему высшей карой провидения, «смертным грехом», адом. Многим детям трудно даже разобраться, что такое грешить действием, тем более в том, что такое грешить упущением. Ну а понятие «грешить мыслями» для ребенка вообще не имеет смысла. Семилетние дети не знают, что такое мыслить, думать. Мыслить – это добровольный акт. Впрочем, думают очень немногие люди (как сказал господин Тэст²⁵, «никто не размышляет»). Целенаправленная мысль, мысль, которая работает над чем-нибудь, как певец работает над своим голосом, – это акт осознанный, не имеющий ничего общего с фантазмами²⁶. Ребенок принимает за мысли свои фантазмы. Как же в таком случае он может постичь разницу между грехом мысленным и грехом по упущению? Из всего этого он извлекает только страх смертного греха. Постановление католической церкви безо всякой пользы наделило чувством вины все поколения нашего века во имя того самого Христа, к которому детей хотели, так сказать, приблизить! А ведь Он пришел в мир ради ведущих неправедную жизнь, грешников, безнравственных людей, стоящих вне закона или, во всяком случае, тех, кого считают таковыми ревнители порядка.

И как бы мы ни относились к чувству вины, испытываемому по поводу тела и тех его потребностей, что проявляются с наступлением отрочества в новых отношениях, выходящих за границы семейной среды, к взрыву жизненных сил, связанному с созреванием, к мастурбации, всегда переживаемой как падение и крайнее средство в безвыходном положении, – с какой стати объявлять их грехом по отношению к Богу? С тем же успехом можно объявить

²⁴ Катехизация – приобщение к катехизису – изложению основ католической религии в форме вопросов и ответов.

²⁵ Г-н Тэст – мифический герой французского поэта и блестящего эссеиста Поля Валери (1871–1945), фигура абстрактная. Обладатель универсального ума, «робот абсолюта». См.: «Вечер с господином Тэстом» (1896) в кн.: *Валери П.* Об искусстве. М., 1993.

²⁶ Фантазм – воображаемый сценарий, в котором исполняется – хотя и в искаженном защитой виде – то или иное желание субъекта (в конечном счете бессознательное). См.: *Ланлани Ж., Понталис Ж.* – Б. Словарь... С. 551.

грешником прыгуна, не сумевшего перепрыгнуть планку, которую он во что бы то ни стало решил преодолеть, и взбешенного собственным бессилием!

3 глава

Воспоминания детства

Ангел, карлик и раб, или Ребенок в литературе

В средневековой литературе Западной Европы ребенок занимал место бедняка или даже зачумленного – такой парии. Такова воля Церкви. Сочинения средневековых клириков²⁷ напоминают, что ребенок – это существо, которого следует во всем остерегаться, так как он может быть вместилищем темных сил. Новорожденный еще принадлежит к низшему миру, ему только предстоит родиться для жизни духа. Он несет проклятие, павшее на человека, изгнанного из рая, он платит за грехи взрослых, как если бы он всегда оказывался плодом греха. По отношению к нему используются презрительные, а то и бранные выражения. В течение долгого периода он находится в такой немилости, что его даже крестят с опозданием. Да и после того, как всех детей начинают систематично подвергать обряду крещения, считается, что крещение не уничтожает факта первородного греха. На смену этому обскурантизму приходит гуманизм Возрождения, который положит конец опале божьих уродцев, место которым в чистилище, а то и в аду, рядом с низшими существами, слугами, рабами и животными. В первую очередь вспомним тут мэтра Алькофрибаса с его гениальной притчей о Гаргантюа, который благодаря силе слова рождается великаном. Теперь от взрослых требуется обрести детское простодушие, то самое детское простодушие, которое в XVIII веке превратится в первую христианскую добродетель. Церковь, сначала оттеснив живущего в человеке ребенка в тень, теперь реабилитирует его в сознании людей.

«Церковь возбраняет нам презирать их (детей) в силу глубокого почтения, какое питает к ангелам блаженным, оберегающим их». («Трактат о выборе и методе учения», Флери, 1686).

«Будьте как новорожденные младенцы», – советует Жаклин Паскаль в своей молитве, включенной в свод правил для маленьких пансионеров Пор-Рояля («Правила для детей», 1721).

Возможно, эту реабилитацию подготовил и облегчил культ младенца Иисуса. Во всяком случае, он знаменует собой этап, первый опыт. Ясли были изобретены святым Франциском Ассизским в начале XIII века. До него символической колыбели ребенка не существовало. Ангел или демон, он был или воздушным созданием, или находился среди углей пылающих. Символическое дитя находится между небом и землей, меж двух стульев ханжества, лежит между двумя молитвенными скамеечками. Не то падший ангел, не то будущий герой.

Другая историческая причина реабилитации ребенка – культ маленьких принцев. Он возник в разгар религиозных войн. Во времена противостояния католиков и протестантов Екатерина Медичи вознамерилась объехать Францию в карете, демонстрируя толпам нового короля – Карла IX, которому тогда было десять лет. Это было в 1560 году. Людовика XIII чествовали как короля-дитя. Двор чрезвычайно заботился о его популярности – так никогда прежде не заботились о популярности отпрыска царствующего дома. Все, что касается положения ребенка и его места в обществе, циклично, но диалектика понятий о нем гораздо сложнее и тоньше, чем можно подумать, исходя из ведущих принципов эпохи. Поэтому нельзя утверждать, что в средние века дитя как символ невинности и чистоты не существует. Хотя такой взгляд не выступает на первый план в литературе, он существует в народных песнях, в рождественских песнопениях. В XIII веке в лирический репертуар входит прославление материнства. Разумеется, установки, игнорирующие всякую диалектику, способны довести до крайности

²⁷ Клирик – священнослужитель, член служителей культа какой-либо церкви.

сти и неестественности любое явление, лишая его многосторонности и многозначности. Но подобные принципы нельзя считать и чистым вымыслом, произволом. Любой господствующий принцип обращен к человеку, который в конце XX века может претендовать если не на охват явления во всей его полноте, то хотя бы на постижение тайны во всей ее сложности и на умение уважать ее как одну из составляющих реального человека в процессе его становления.

Из преобладающего в средние века мнения становится ясно, что прежде всего в эту эпоху стремились подчеркнуть пластичность, податливость детства и влияние среды, воспитателей на юные умы. В латентном состоянии²⁸ ребенок порочен. Его может спасти только религия. Именно эту концепцию поддерживает Фенелон в своем «Телемахе»²⁹, рационализируя и обмирщая мнение церковников: чтобы ребенок не был порочен, его надлежит полностью сформировать воспитанием. Руссо выворачивает этот постулат наизнанку: ребенок рождается добрым дикарем, порочным делает его общество. Ленин для своих юных пионеров прибегает к модели Телемаха. Эти внутренние противоречия без конца воспроизводятся с каждым новым циклом. Но наследие Руссо воспримут романтики. Эмиль Жан-Жака Руссо открывает путь маленькой Фадетте и Полю с Виргинией³⁰.

В начале XIX века, согласно господствующей диалектике, на первый план выходит ангелизм. Все романтические поэты воспевают ребенка. Но его изображение инфантилизировано. Ребенок плохо воплощен и весьма условен. Это не более чем зыбкий призрак, свидетельствующий о божественной природе человека и об утраченном рае. Взрослому он напоминает о первоначальной чистоте, самом благородном, самом харизматическом состоянии человека.

Романисты XIX века стремятся поместить ребенка в его социальное окружение и драматизируют его участь. Он – жертва общества, он проходит все ступени своего крестного пути: от козла отпущения до мученика.

Право на жизнь и смерть

В Германии, во времена Римской империи, общество, судя по всему, предоставляло отцу право на жизнь и смерть ребенка только в момент его рождения и до первого кормления грудью.

В Риме действовали законы, которые, по решению суда, ограничивали *patria potestas*³¹, являющуюся фактическим правом.

Во II веке н. э. Адриан приговорил к изгнанию одного отца семейства за то, что тот на охоте убил своего сына, вина которого состояла в прелюбодеянии с собственной мачехой – обстоятельство крайне неблагоприятное для жертвы.

В начале III века н. э. суд потребовал, чтобы отцы не убивали сами своих детей, а отдавали их под суд.

В начале IV века н. э., по законодательству Константина, отец-убийца должен был нести наказание за детоубийство (*L. unic, C., De his parent vel. Lib. occid., IX, 17*).

В VI веке кодекс Юстиниана положил конец праву родителей распоряжаться жизнью и смертью детей (*IX, 17, loi unigue, 318*).

²⁸ Латентный период развития (по З. Фрейду) – период, когда психосексуальное развитие протекает по преимуществу скрытно, неявно. Это период от упадка детской сексуальности (на пятом или шестом году жизни) до наступления половой зрелости.

²⁹ «Приключения Телемаха» (1699) – философско-утопический роман французского писателя, архиепископа Франсуа Фенелона (1651–1715).

³⁰ Называются имена литературных героев: Эмиль – Жан-Жак Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1762); Фадетта – Жорж Санд «Маленькая Фадетта» (1848); Поль и Виргиния – Жак Анри Бернард де Сен-Пьер «Поль и Виргиния» (1788).

³¹ Отцовская власть, отцовская воля (от *лат. patria potestas*) – неограниченная власть над детьми – одно из Полных прав римского гражданства.

Детоубийства

В процессах по детоубийствам, вопреки их впечатляющей многочисленности, бывает трудно отделить этику от юриспруденции.

Следует ли карать за убийство новорожденного менее сурово, чем за убийство ребенка постарше? Больше всего, кажется, на суд производит впечатление способ, которым было исполнено убийство (жестокое обращение, яд, нож). Создается впечатление, что попытка самоубийства преступника, следующая за детоубийством, является смягчающим обстоятельством. Примеры: в 1976 году Жослин Л., 30 лет, убивает своего сына, 10-ти лет, и пытается покончить с собой – в 1977 году приговорена к четырем годам заключения; в 1975 году Элиан Ж. ошпарила своего двухлетнего сына, что привело к его смерти, – пожизненное заключение.

Особо жестокое обращение

Похоже, что суд склоняется к менее строгой мере наказания, учитывая, что наложенные на преступных родителей санкции не решают конфликта с ребенком-жертвой. Заметим, что ребенок-мученик лишен судебной защиты (его интересы не представляет адвокат).

Случаи дурного обращения родителей с детьми чаще всего остаются безнаказанными. Окружающие своим молчанием покрывают преступления или самих преступников. Тревогу поднимают врач, социальные службы, иногда соседи.

Удары и раны, постоянно наносимые из жестокости, караются строже, чем результаты «отеческого воспитания», которые слишком часто считаются прискорбными, но простительными несчастными случаями.

Изнасилование ребенка отцом или отчимом чаще всего скрывается как семейная тайна. Если правосудие вмешивается, нелегко бывает отличить сексуальные сношения по принуждению или вследствие акта насилия от связи, обусловленной покорностью ребенка при соучастии окружения.

Даже умиляясь детством, даже воспринимая ребенка как персонаж романа, литература XIX века на самом деле лишь воссоздает социально-моральную картину или поэтический образ утраченного рая или поруганной невинности. Все это лишь представления взрослых о том, что принято называть «ребенком». Романтизм предъявляет свои требования – авторы, сочувствующие жертвам существующего порядка, выводят ребенка на сцену в сентиментальном и гуманном свете – Гаврош, Оливер Твист, Дэвид Копперфильд. Но и они проходят мимо воображаемого мира первых лет жизни. Взрослые остаются в плену собственной субъективности, идеализируя собственную юность. Это анархический реванш писателей над церковниками; писатели опровергают Церковь, говоря: мы рождаемся безгрешными, нас развращает общество.

С неудержимым наступлением натурализма вновь появляется амбивалентность. Вновь ставится вопрос о врожденной доброте ребенка. Показывая, что дети довольно легко адаптируются в пагубной среде (Диккенс, Гюго), что на улице они чувствуют себя как рыба в воде, романист изображает их сметливость, дар подражать с одинаковой легкостью и добродетелям и порокам взрослых, их хитрости, их притворство, их умение жить среди социальной жестокости, обращая ее себе на пользу, их аморальность. Они на грани маргинализации³², почти маргиналы, и они голодны. Нужда в покровителе сокращает путь к правонаруше-

³² Маргинализация – переход в маргинальные, граничащие с асоциальностью, преступностью слои общества; в более широком смысле маргинал – любой, кто не разделяет принятые большинством взгляды. – В. К.

ниям. В глазах писателя-натуралиста (Золя) ребенок перестает быть персонажем, которого романист во что бы то ни стало намерен приукрасить и вознаградить. Натуралист претендует на то, чтобы показать ребенка во плоти, таким, каков он есть: ни плохим, ни хорошим – живым. Бедняк гол и унижен – это страдания человечества в миниатюре. Многие заходят так далеко, что обвиняют человеческую природу и приписывают уличным мальчишкам всевозможные пороки, словно принимая сторону церковников прошлых веков с их негативным отношением к Божьим сиротам³³. Жюль Валлес³⁴ («Ребенок») порывает с натуралистической мелодрамой, повествующей о чахлом заморыше, неизменной жертве-малютке. Да, жертва, но не смирившаяся и не пассивная. Жертва в состоянии обороны. Час мятежа настал. Первые потрясения бунта молодежи совпадают с трагической утопией Коммуны. Ребенок Валлеса на баррикадах продолжает тот штурм, в котором первый камень был освящен Гаврошем.

Наш XX век не изобретет ничего нового в этой области. Он лишь быстрее воспроизводит все тот же диалектический цикл, и два поколения писателей будут по очереди использовать в постромантизме все скрытые и явные темы средневековья. Экзистенциализм принимает наследие натурализма, выражая его в других терминах. В «Словах» Сартра рассказчик восстанавливает годы своей юности как совокупность поз и ужимок, адресованных ближним. Ребенок-хамелеон приспособливает свое поведение к поведению окружающих, чтобы манипулировать ими или чтобы они оставили его в покое. То окружающее, что ему навязывают, настолько ему неприятно, что он просто выбирает себе образец для подражания и следует ему.

Во всей этой литературной традиции, во всех ее проявлениях принимается в расчет, изучается, описывается только социальное поведение ребенка. Единственное новшество у Сартра – это его попытка остаться нейтральным.

Первооткрыватели же, маргиналы, – те смотрят на ребенка иначе: вот дремлет бессильное воображение, вот в бесплодной почве пробиваются ростки креативности, и вся проблема заключается в том, чтобы не позволить взрослым ее задушить. Но как? Кто интересуется сознательным и бессознательным первых лет жизни, воображаемым миром этого безнадёжного и в то же время многообещающего одиночества? Кто исследует эти галереи, эти колодцы, эти природные источники, подобные подземной вселенной, невидимой, но реальной?

Том Соьер и Гекльберри Финн Марка Твена – первые симптомы того, что произошло открытие ребенка как такового, ребенка как человека, пытающегося приобщиться к жизни посредством своего собственного опыта³⁵.

Далее идет Изидор Дюкас. В «Песнях Мальдорора» нелегко расшифровать метафору, но Лотреамон³⁶ подарил нам наиболее сильный документ о субъективности видения ребенка, написанный на французском языке. Однако в его язык не так-то легко войти. В него проникаешь только посредством поэтической интуиции или вооружась методом психоанализа.

³³ *Les visages de l'enfant dans la littérature française du XIX siècle, esquisse d'une typologie.* Marina Bethlenfalvay, Librairie Droz, Genève, 1979.

³⁴ Жюль Валлес (1832–1885) – французский писатель и журналист, политический деятель. Участник Парижской коммуны. Автор трилогии «Жак Вентра» (автобиографический роман): 1-я часть – «Ребенок» (1879).

³⁵ *Terres de l'enfance. Le mythe de l'enfance dans la littérature contemporaine.* Paris, P.U.F., 1961, par Max Primault, Henri Lhong et Jean Malrieu.

³⁶ Лотреамон (наст. имя и фамилия Изидор Дюкас) (1846–1870) – французский поэт, автор книги стихотворений в прозе «Песни Мальдорора» (1869) и др.

Переворот в литературном подходе к ребенку производит автобиографический роман «Мое прекрасное апельсинное дерево» Хосе Мауро де Васконселоса³⁷. Дерево – наперсник пятилетнего мальчика. Это повествование обладает необычайной инстинктивной силой. Удивительно, как взрослый мог вспомнить и выразить все то, что он чувствовал в этом возрасте. Он рассказывает о горестях всей своей воображаемой жизни в ранние годы – этот возраст очень скудно освещен в западной литературе – во время болезни, которая чуть его не унесла. Ему удается с субъективной точки зрения описать ребенка, которым он тогда был, – со своей собственной субъективной точки зрения, сохраненной в памяти, – а это совсем не то же самое, что субъективная точка зрения взрослого, его собственная писательская субъективность, сегодняшняя, которая прошла через кастрацию³⁸. Только выбрав себе символического отца, он покинул воображаемый мир, одушевленный его деревом (которое представляло символическую жизнь), чтобы примириться с реальным миром. Он разрешает эдипов комплекс³⁹ посредством детской гомосексуальной фиксации на одном чистом и неиспорченном старике, которого он любит как идеального дедушку и который становится поддержкой его эволюции. Старик погибает от несчастного случая в тот момент, когда собирался усыновить мальчика. Так мальчик открывает для себя смерть, и это открытие означает для него конец воображаемого мира, и его вступление через это испытание-посвящение в мир, где все состоит из торговли и борьбы за жизнь. Это испытание разыгрывается по ту сторону морали и социального протеста. Никакого бунта нет. «Мое прекрасное апельсинное дерево» – в литературе произведение маргинальное, задевающее за живое; совершенно нелогичное и поэтическое, не имеющее ничего общего со всеми романами нравов или социально-обличительными, в которых на сцену выведен ребенок. Жить в этом возрасте – значит жить так, как живет герой «Моего прекрасного апельсинного дерева». А жить, как живут взрослые – это нечто совсем другое: это значит смириться со смертью.

В Европе для такого свидетельства не нашлось бы источника вдохновения. Ребенок слишком стиснут рамками разных учреждений. В стране автора ребенок в три года еще не записан в школу, у него есть родители, но он встречается, с кем хочет. Он ведет жизнь маленького дикаря.

Мальчик открывает для себя смерть, и это открытие означает для него конец воображаемого мира, и его вступление в мир, где все состоит из торговли и борьбы за жизнь.

В мемуарной литературе, во всяческих воспоминаниях ребенок – это только проекция взрослого. Достигнув отрочества, мы проецируем наше детство на другого индивидуума, у которого нет нашей истории и чьи переживания мы интерпретируем так, как выгодно нашей собственной истории, или, вернее, тому, что остается от нее в сознательном состоянии. В наши первые годы мы отличались от наших позднейших проекций. И мы никогда не смогли бы быть полностью правдивыми в отношении того, что пережили в детстве. Но если мы предаем даже сами себя, как же нам уважать субъективность других детей? Уничтожение другого существа, коль скоро это существо – ребенок, неизбежно. Это составная часть подавления аффектов, присущих этому возрасту.

Принесение магического мира в жертву рациональному – такой же реальный этап, как потеря молочных зубов. Это составная часть кастрации человека. Ребенок воспроизводит жиз-

³⁷ Хосе Мауро де Васконселос (1882–1959) – мексиканский писатель, философ и государственный деятель.

³⁸ Кастрация, комплекс кастрации в психоанализе – один из моментов всей совокупности межличностных отношений, где возникает, упорядочивается и обособляется человеческое желание.

³⁹ Эдипов комплекс (З. Фрейд) – неосознаваемое сексуальное влечение мальчика к матери и связанное с ним агрессивное чувство к отцу; у девочек – комплекс Электры (К. Юнг). – В. К.

ненный цикл человечества с момента его возникновения: он верит в магические причины, в то время как мы подчиняемся законам науки, которая все объясняет рационально. В языке он остается карликом. Невозможно абстрагировать ребенка от этноса, в котором он родился. Но вот что оказывается новостью для нас, западных людей: к способам коммуникации и к технологии, которые изобретены нашим этносом, ребенок приспосабливается гораздо скорее, чем взрослые, из-за чего и происходит переворот в отношениях дети – родители. Это хорошо видно во время войны: взрослые ее боятся, в то время как дети – не важно, выживут они или погибнут – ныряют в войну с головой, мобилизуя всю свою энергию. Но настает момент, когда больше не можешь жить как прежде; оказавшись в мире обдуманной и предвиденной реальности, начинаешь чувствовать ответственность за другого: теперь человеку приходится осознать законы реальности. И познакомиться со страхом и с опасностью. Ребенок – это личность, которая до поры до времени не сознает ни своей истории, ни опыта перехода от детства с его нетерпеливой беспечностью к отрочеству, когда приходит пора брать ответственность за происходящее на себя. И это – нормально. В сущности, ребенок – тот же сомнамбула, лунатик. Сомнамбула не падает с крыши, но если проснется и поймет, что под ним пустота, представит себе степень опасности, то он испугается и упадет. А взрослые постоянно хотят разбудить ребенка. Не следует будить его слишком рано, и в то же время когда-то это сделать необходимо, потому что он является частью этноса, который все равно рано или поздно его разбудит. Если посвятить, инициировать его преждевременно – он потеряет свой потенциал. И все равно, рано или поздно эта мутация произойдет у каждого человека.

В «Моем прекрасном апельсиновом дереве» самое важное – это встреча: встреча старика и ребенка. Оба переживают вместе нечто общее и могут понять друг друга: у старика уже нет, а у ребенка еще нет сексуальной эротической жизни, и они переживают свою любовь... любовь между тем, кому предстоит умереть, и тем, кто только что явился на свет.

Есть еще одна прекрасная книга, в которой повествуется об истинных отношениях между очень маленьким ребенком и взрослым: «Воскресенья в Виль-д'Авре»⁴⁰. Общество не принимает такой невинности. И тем не менее как важен этот обмен, эта жизнь, которую дарят друг другу со всей чистотой посредством символического общения эти два существа.

Ребенок – это личность, которая до поры до времени не сознает ни своей истории, ни опыта перехода от детства к отрочеству. И это – нормально. В сущности, ребенок – тот же сомнамбула, лунатик.

Поле детского воображения совершенно несовместимо с полем рациональности, сквозь которую взрослый воспринимает свою ответственность за ребенка. Рассказать о ребенке аутентично⁴¹, без проекции рассказчика, не повторяя различные клише, без ссылок на социальные модели, отрешившись от какой бы то ни было морали, от какой бы то ни было психологии и не пытаясь превратить это в поэзию, – задача, в сущности, непосильная для взрослого.

Тогда, может быть, правдивая литература – это то, что пишут сами дети (как Анна Франк, которая, правда, не описывает свои первые годы жизни)? Следовало бы ее поощрять. Она бы не была похожа на ту литературу, которая пишется, чтобы нравиться детям. Пускай она не заинтересует соседа, может быть, она будет полезна как письменная психотерапия. Этим исполнятся слова святого Павла: «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил...» (1-е послание коринфянам⁴²).

⁴⁰ *Les dimanches de Ville-d'Avray*, Bernard Eschassériaux, Ed. Grasset, 1971.

⁴¹ Подлинно, без искажений.

⁴² 1-е Кор., 13, 11.

И все-таки, книга взрослого автора тоже может иметь ценность свидетельства. «Мое прекрасное апельсиновое дерево» доказывает, что попытка реконструировать и воссоздать детскую субъективность достигает цели, сохраняя при этом большую литературную ценность. Если бы у нас появилось побольше таких книг, отличающихся от того, что пишут все известные романисты, которые используют свое детство, прикрываясь выдуманным именем героя, чтобы рассказать историю, перефразировать миф или свести счеты с миром в социальном памфлете, разве это не способствовало бы развитию у читателя уважения к детской субъективности? Разве это не помогло бы нам почувствовать, что в первые годы жизни мы проживаем опыт ощущений и воображения, не имеющий ничего общего с тем, что мы проецируем на эти годы позднее? Может быть. Но так или иначе, в нормальную эволюцию каждого индивидуума входит то, что однажды он деформирует и предаст свою собственную субъективность.

Вплоть до XX века ребенок в большей части литературы выступает только как символ врожденной человеческой слабости, и если отношение к нему позитивно, то это падший ангел, а если негативно, то это маленькое чудовище. Воистину он гадкий утенок, и спасти его может только гуманизм. Уже в сказках, легендах, песнях мы находим то злого ребенка, то ребенка-ангела.

Фольклор собирает и хранит все клише, установившиеся за века существования привычек и предрассудков и нужные для того, чтобы отличить мальчиков от девочек. Девочки – имитация женщин, а мальчики – имитация мужчин. И тем и другим указывается, в какую сторону идти, чтобы не сбиться с пути. Ребенок рассматривается как незрелое, низшее существо и при этом ясной границы между мальчиком и девочкой не проводится. Так когда же появляются в литературе персонажи-девочки? До XX века, бесспорно, маленьких героев мужского пола значительно больше, чем женского. В сказках и легендах Красная Шапочка могла бы в крайнем случае оказаться и мальчиком, если не считать того, что ее съел волк, а волк в конечном счете – старый сатир. Но, как мы знаем, маленьким мальчикам сатиры тоже опасны.

Круг женских персонажей в романтической литературе долгое время был ограничен ролями матери или девушки-невесты, то есть женщины-матери или будущей жены. Для того чтобы девочка по-настоящему вошла в литературу как главное действующее лицо, пришлось, кажется, преодолеть нечто большее, чем инертность, а именно, сопротивление всего общества. Мы понимаем, что ребенок в сказках – или типичный мальчик, или сексуально не дифференцирован, потому что представляет собой эманацию руководимого мужчинами или даже глубоко женоненавистнического общества. Отметим, что большинство романистов – мужчины. Жорж Санд была авангардисткой. «Маленькая Фадетта» – первая во Франции героиня в юбочке. «Примерные девочки» в розовой обложке⁴³ привносят в персонаж эротическую двусмысленность. Софи – внучка Жюстины⁴⁴.

Графиня де Сегюр писала не для взрослых, а для собственных внуков. Она не считала свое творчество литературой. Только теперь все решили, что это литература.

Ее книжки отчасти продолжают линию сказок, мораль которых должна привести ребенка к приятию норм, но в них достаточно отчетливо выражена тема садизма. Впрочем, это наиболее присущая им изначально черта: существует целая воспитательная традиция романа для юношества, преследующего цель указать молодым, в какую сторону идти, научить их жить, дать им код социальной интеграции. Графиня де Сегюр сожалела, что непослушных детей нельзя стегать до крови. Как иначе истолковать ее слова: «Надо, чтобы наказание внушало ужас»?

⁴³ Имеется в виду повесть графини де Сегюр «Примерные девочки» (1858), в которой действует героиня по имени Софи, упоминаемая далее Ф. Дольто (Перев. на рус. яз. – Одесса: Два слона, 1994). Романы, повести и сказки гр. де Сегюр (урожд. Софьи Ростопчиной), издававшиеся во Франции в т. н. «Розовой библиотеке», имели обложку розового цвета.

⁴⁴ Жюстина – персонаж романа Д. – А. – Ф. де Сада (маркиза де Сада) «Жюстина, или Несчастья добродетели» (1791).

Тэсс Томаса Гарди⁴⁵ – это персонаж-предупреждение, мученица бунта второго пола. Совсем маленькую, 11-ти лет, ее отдают в услужение в замок. В 15 лет ее, можно сказать, насилует сын владельца замка. Она уезжает, у нее ребенок. Она выходит замуж. Но она никогда не забудет человека, который взял ее силой и сломал. В конце концов она яростно уничтожит его. Эта женщина-бунтарка – нечто новое в литературе конца XIX века. Но она идет на бунт, лишь достигнув зрелости. В детстве она – жертва общества. Это классовый женский бунт, а не сексистский бунт внутри класса буржуазии, как у Симоны де Бовуар.

Ребенок как жертва общества – это концепция XIX века. В конце нашего века тема женщина – ребенок, разрабатываемая мужчиной, принимает другой оборот и отвлекается от настоящего вопроса – изучения тайного воображаемого в ребенке до десятого года жизни. Неужели литература неизбежно обречена заново сочинять нашу юность, выдумывать такое детство, которого не бывает на самом деле, или обслуживать идеологию, насаждая образцы для подражания? Неужели литература, так хорошо освещающая переход к взрослой жизни, всегда пасует перед запечатлением детства? Если это так, тогда она – главный инструмент подавления, идеологической обработки, удушения художественного чутья, поскольку сам писатель бессознательно поддается мимикрии, которую общество развивает у «хороших учеников» больше, чем креативность.

Неужели литература не в силах ничего сообщить о субъективности первых годов жизни, не в силах призвать к большему уважению к человеку, находящемуся в состоянии наибольшей хрупкости?

Поэзия Лотреамона и Рембо остается в письменном плане тем же, чем в устном вот уже полвека остается детский психоанализ.

Кто в наши дни не делится своими детскими воспоминаниями! В современной французской литературе этот нарциссизм⁴⁶ значительно сужает вселенную романа, и для того чтобы обнаружить более эпические, более космические сюжеты, приходится читать иностранные книги. Мишель Турнье добросовестно пытается вернуться к великим мифам⁴⁷, но в общем сегодняшний французский роман черпает вдохновение в детстве, которое пережил или не пережил его автор.

Возможно, это дело рук психоанализа, входящего сегодня в культуру интеллектуалов. Они более чем когда-либо догадываются о том, как важны их первоначальные впечатления.

Эта «колыбель» воображаемого, возвышающаяся в кабинетах наших современных романистов и романисток, означает лишь все более и более значительное место, которое общество шестидесятых годов отводит проблемам детства. Мода, культ?

Ребенок еще остается в плену всех символов, носителем которых является: взрослый проецирует на него все свои мечты и видит в детстве утраченный золотой век.

Если культ детства, то давно ли он появился в нашем западном обществе? Не думаю, что мы вправе говорить о культе ребенка в современном понимании (скажем, американском), хотя

⁴⁵ Имеется в виду героиня романа Томаса Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» (1891).

⁴⁶ Здесь термин «нарциссизм» используется в самом общем смысле: самовлюбленность. – В. К.

⁴⁷ Современный французский писатель Мишель Турнье (р. 1924). Имеется в виду его роман «Гаспар, Мельхиор и Бальтазар» (М.: Радуга, 1993) – модификация мифа о трех царях-волхвах, которых звезда Вифлеема привела к колыбели Христа. Оригинальная версия М. Турнье опирается на сложившуюся иконографию и полученное с детства христианское воспитание.

бы даже в первой половине XX века: скорее, ребенок изображается в качестве совершенно особого персонажа, но тем не менее он окружен ореолом символов. На этом основании мы не можем утверждать, что ребенка воспринимают как такового, изучают ради него самого, с позиции нейтралитета, и что его показывают таким, каков он есть, без поэтико-мифологического хлама. Он еще остается в плену всех символов, носителем которых является: взрослый проецирует на него все свои мечты и видит в детстве утраченный золотой век. Но даже сегодня можно ли говорить о культе ребенка? Трудно утверждать, что права ребенка как личности надежно защищены. В этом «культе ребенка» тоже есть нечто весьма мифическое. Из того очевидного факта, что ему отведено сегодня весьма значительное место, еще не следует, что представления о ребенке стали точнее. Мне кажется, что понятия о ребенке по-прежнему остаются в зависимости от культурного и мифологического наследия.

Если бы позиция взрослого (как мужчины, так и женщины) в отношении детей изменилась, может быть, оздоровились бы и супружеские отношения.

Ребенок с большой буквы не существует точно так же, как Женщина с большой буквы. Это абстрактные понятия, маскирующие индивидуальность. И анализ, произведенный с этих позиций, делает очевидной параллель, просматривающуюся между отношениями ребенок – общество и мужчина – женщина, свидетельствующую об общем источнике всех неврозов. Подобно тому, как родители проецируют на детей те явления в окружающем мире, которые они отвергают, или то, чего не находят в себе и хотели бы обнаружить, – точно так же мужчина проецирует на женщину свои фантазии, несбывшиеся надежды, недовольство жизнью. Женщина-мать делает то же самое, опекая спутника жизни, ищущего защиты у нее под крылом. Супружеские пары сползают в инфантилизм. Если бы позиция взрослого (как мужчины, так и женщины) в отношении детей изменилась, может быть, оздоровились бы и супружеские отношения. Сексизму⁴⁸, мнимому соперничеству и психозу отчуждения мужчин наступит конец, когда к личности ребенка начнут относиться с большим уважением, когда ему предоставят автономию, что повлечет за собой большую сексуальную и любовную активность между обоими взрослыми, его родителями.

«Ослиная шкура» и «Голубая планета» (Волшебные сказки а-ля научная фантастика)

Авторы сказок и легенд, те, кто переложил устные предания, идущие от общего фольклорного источника, делали это, похоже, не без задней мысли: помочь юным читателям перейти из состояния детства во взрослую жизнь, приобщить их к изучению риска и средств самозащиты. Бруно Беттельхайм⁴⁹ намечает демаркационную линию между волшебными сказками и мифами. Мифы выводят на сцену идеальных героев, действующих согласно требованиям «сверх-Я», между тем как волшебные сказки отражают интеграцию «Я», разрешающую удовлетворение тех желаний, которые испытывает «Оно»⁵⁰. Эта разница подчеркивает контраст между душераздирающим пессимизмом мифов и фундаментальным оптимизмом волшебных сказок.

⁴⁸ Сексизм – сексуальная дискриминация женщин; мировоззрение, отводящее женщине роль не партнера, а лишь объекта сексуальной жизни мужчины. – В. К.

⁴⁹ *Psychanalyse des contes de fées*, Bruno Bettelheim (The uses of enchantment). R. Laffont, 1976. P. 39 et 58.

⁵⁰ «Оно» (Id) – по З. Фрейду, это комплекс бессознательных побуждений и влечений, действующих по принципу удовольствия. – В. К.

Мифы предлагают пример героя, с которым невозможно себя отождествить, потому что это бог или полубог, он совершает невообразимые подвиги, на которые никто из нас не может притязать. А в волшебных сказках говорится о повседневной жизни; главные персонажи – мальчики, девочки, взрослые, феи и т. д. – часто даже не названы по имени; про них говорят: «один мальчик», «одна девочка», «один пастух». У них нет истории, нет родителей. Это просто люди из неизвестных семей. Не принц такого-то царства, не король такой-то страны. В героях мифов есть нечто, не допускающее подражания. Когда перед вами неприступная гора – это не обнадеживает. Герои мифов играют для ребенка роль подавляющего отца.

Не всех греческих героев постигает, как Прометея или Сизифа, трагический конец. Одиссей возвращается на Итаку. Для очень юных читателей это важно. Если персонаж, с которым он себя отождествил, умирает или обречен на вечную муку, у ребенка, который должен продолжать жить, может появиться искушение отказаться от борьбы. Хеппи-энд необходим ему, чтобы поощрять к усилиям, поддерживать в нем боевой дух.

Как бы то ни было, мифы для юного читателя имеют значение инициации⁵¹: на их материале постигают понятие испытания: если делаешь усилия, то часто, хоть и не всегда, тебе удастся преодолеть испытания, которые неизбежны в жизни.

Я полагаю, что хеппи-энд волшебных сказок дает ребенку образ испытаний, которые, разумеется, далеки от реальности, но позволяют ему на некоторое время отождествить себя с героями, выдерживающими тяжкую борьбу и несмотря ни на что одерживающими верх над препятствиями.

Как бы то ни было, мифы для юного читателя имеют значение инициации: если делаешь усилия, то часто, хоть и не всегда, тебе удастся преодолеть испытания, которые неизбежны в жизни.

До телевизионной эры малыши из поколения в поколение читали или слушали, как им читают волшебные сказки. Теперь смотрят на маленьком экране «научную фантастику».

Я думаю, что происходит замещение. Доказательство: детям нужен хеппи-энд. На днях я смотрела по ТВ войну НЛО и сказала себе: «Но это же в чистом виде эквивалент волшебной сказки: тут есть и мучительное ожидание, и герой, с которым ребенок себя отождествляет; роботы играют роль злых или добрых фей, а сюжет по-прежнему совершенно человеческий». В этом фильме была женщина – так называемая представительница внеземной цивилизации, которая внезапно превращалась в прекрасную девушку, выступавшую вперед из-за спины исчезающего робота. Однако для телезрителей младше пяти лет ничто в этой «научной фантастике» не заменит мальчика и девочку из волшебных сказок.

Бруно Беттельхайм, который не так уж склонен к пассаизму⁵² и вовсе не произносит беспощадного приговора телевидению или кино, все же не видит, чем можно заменить волшебные сказки малышам младше пяти лет. В детских телепередачах еще показывают инсценировки волшебных сказок, но при этом усиливается линия гротеска, буффонады. Ребенок уже не находит там этики, которая поддерживала бы в нем желание отождествлять себя с героем.

Давайте взглянем на волшебные сказки в их социальном контексте. Создавались ли они для детей? Не думаю. Волшебные сказки создавались для ночных посиделок, предназначаясь как детям, так и взрослым. Они были посланием. Получить его могли «все возрасты», но при этом услышать жестокие истины. От Ослиной шкуры дети испытывают потрясение: преследу-

⁵¹ Здесь: посвящения во взрослую жизнь.

⁵² Пассаизм – привязанность, пристрастие к прошлому при безразличном или отвергающем отношении к настоящему и будущему. – В. К.

емая своим инцестуозным отцом, она вынуждена перерядиться в ослицу, чтобы помешать отцу овладеть ею. «Ослиная шкура» – это история девочки, спасающейся от инцестуозных вожделений своего отца. Взрослые понимали это в чисто эротическом смысле, дети тоже. В то же время, здесь же давалось понять, что если мать умирает, дочери опасно оставаться в контакте с отцом.

Большей частью мы смешиваем сказки для детей с теми сказками, которые взрослые рассказывают детям, с теми, которые любят рассказывать детям родители или бабушка с дедушкой.

История Мальчика-с-пальчик, история Ослиной шкуры обнаруживаются в Китае: это архетипы⁵³. Золушка родилась в Тибете. Об этом свидетельствует ладакхский⁵⁴ фольклор, собранный Нгавангом Сёна для тибетских беженцев Старого Дели (Индия): «В глубине долины жил один король. А высоко на склоне горы жила старуха вдвоем с дочерью...» Тема Золушки обозначена. В этой тибетской версии Золушка, обольщенная мачехой, собственными руками убила свою мать: пока та молола ячмень на мельничном жернове, дочь отпустила колесо мельницы и оно раздавило мать. Ее грязная работа и жизнь отщепенки – средство признания вины или заблуждения ее предыдущего существования.

Все это истории эволюции ребенка, испытывающего трудности по отношению к взрослым, космосу, природе, реальности. Изобразить ребенка в соотношении с великаном вовсе не значит показать маленькое, незрелое существо; в сущности, это прекрасная метафора перехода, который неминуемо предстоит каждому будущему взрослому: его можно обойти стороной, его можно миновать, не отдавая себе отчета. Но если вы отдадите себе в этом отчет, вам придется это пережить. И даже если текст написан в расчете на взрослого, он возвышает именно ребенка.

Не исключено, что миф преподносит скорее судьбу человека вообще, то есть все то, что встречается на своем пути каждый, между тем как волшебная сказка призвана поддерживать отдельных людей на некоторых определенных стадиях их существования. Мифы, пожалуй, рассказывают о ребенке как личности в его отношениях со всем человечеством, о космическом ребенке перед лицом природных сил, перед лицом того непостижимого, что есть в природе, показывают ребенка в столкновениях с реальностью, которую нам никогда не понять до конца. А волшебная сказка – это скорее изображение исторического и социального ребенка. Но «ребенок» при этом берется – если не считать испорченных, то бишь воспитательных, сказок, – в самом безличном, деперсонализированном виде, и во всей своей целостности.

В мифах никогда не встречаешь больных персонажей; в волшебных сказках то и дело фигурируют больной ребенок, больная мать, раненый отец, страдающие из-за порчи, которую на них напустила колдунья. В мифах персонажи бывают пленниками враждебных сил, но не болеют.

Еще один специфический аспект: мифы часто изображают истоки человеческого рода – в них часто говорится о конфликтах и родственных отношениях между богами. Может быть, в этом и заключена собственная функция мифа – то, чего мы не найдем в обязательном порядке в волшебных сказках... Это обнаруживается у индийцев, во всем Средиземноморье: речь идет о битвах между богами, о детстве богов, об испытаниях богов, о войнах богов, о ненависти, зависти, любви, инцесте между богами. Это – история или предыстория; волшебные же сказки разыгрываются в пространстве воображаемого.

⁵³ Архетип – термин, введенный в психоанализ К. Юнгом: система наследуемых бессознательных первичных образов и психических структур, на основе которой строится личность в ее отношениях с миром. – В. К.

⁵⁴ По названию горного хребта в Гималаях (Ладакх).

«Жили-были на свете давным-давно...» – так начинаются сказки, мифы же всегда актуальны, это проявление антропоморфизма⁵⁵ вечных космических и теллурических⁵⁶ сил.

В этом смысле можно сказать, что мифы – первые шаги в постижении метафизики и религии, в изучении космического человека и его отношений с внешними силами, напоминание об истоках, тогда как волшебные сказки – скорее первые шаги в подготовке к социальной интеграции. К тому же волшебные сказки, существуя во всем своем многообразии в самых различных странах, живописуя предметы, обстановку, уклад жизни, отражают определенные типы обществ. Но самое поразительное в мифах – это константы: инцесты, проклятия, нарушенные табу: все это недвусмысленно отражено в индийских, греко-римских, африканских мифах. Удивительно, что в мифе о сотворении мира у масаи⁵⁷ обнаруживается смесь христианских, библейских и чисто анимистских⁵⁸ архетипов. Бог создал мужчину и женщину вместе с быком.

Возможно, интереснее было бы поговорить с нашими детьми не об Одиссее и Прометее, а о Луне, о Плуtone, о Марсе, – словом, рассказать им о космическом пространстве. Может быть, это как раз и есть та литература, которую следовало бы использовать, тем более, что основы ее уже существуют; достаточно просто привлечь побольше легенд, пришедших из Азии, Америки и Африки.

Мишель Турнье с помощью своих «Волхвов»⁵⁹ пытается подхватить традицию, создавая вольный парафраз легенды. Его изобретение – четвертый волхв, который приходит в Вифлеем исключительно для того, чтобы найти новый рецепт лукама: он большой гурман. Такой юмор очень нравится сегодняшним детям.

А еще я полагаю, что волшебные сказки Перро по разным причинам уже не выполняют своего назначения (во-первых, больше нет контекста, необходимого, чтобы их рассказывать, во-вторых, нет больше дедушек и бабушек, которые бы их рассказывали... Да и вообще, мир изменился). Я задаюсь вопросом, не происходит ли взаимовлияния и взаимопроникновения между научной фантастикой, завоеванием космического пространства и великими мифами; может быть, настал тот миг, когда дети могут утолить жажду по планетарным архетипам и напрямую вступить во взаимодействие с великими мифами, причем уже с другим словарем и с другим пространством. Мультфильмы уже подготовили их к этому.

В противоположность волшебным сказкам мультфильмы – это истории без слов, но с красками и звуками. Это язык в действиях (активных и пассивных), в природных или созданных руками человека декорациях, но упрощенных, абстрагированных: это обрамление для истории, в которой герой (не обязательно человек) должен разрешить проблемы жизни, выживания, добрососедства, соперничества, престижа, зависти, недоброжелательства, недоразумений, жестокости, принесения слабого в жертву сильному, – но все эти испытания если и не разрешаются, то компенсируются за счет любви. Мультфильмы пришли на смену историям, которые взрослые рассказывали детям. Герои, карлики и животные позволяют детям младше пяти лет отождествлять себя с ними, а упрощенный текст понятен малышам, у которых словарь еще скуден. Жаль, что рядом отсутствует любимый человек, с кем вместе можно было бы выразить словами пробудившиеся эмоции, которым эта история в картинках сообщает форму

⁵⁵ Антропоморфизм (от греч. *antropos* – человек и *morphe* – форма) – перенесение присущих человеку свойств и особенностей на внешние силы природы и приписывание их вымышленным мифическим существам (богам, духам и т. д.).

⁵⁶ Теллурические силы (от лат. *Tellus* – Земля) – здесь: энергия, рождающаяся при встрече космических влияний с Землей. – В. К.

⁵⁷ Масаи – народ в Кении и Танзании.

⁵⁸ Анимизм – вера в существование духов, в одушевленность всех предметов, в наличие независимой души у людей, животных, растений.

⁵⁹ Имеется в виду роман М. Турнье «Гаспар, Мельхиор и Бальтазар».

отзвуков реального опыта или фантазмов⁶⁰, которые дети представляют себе в моменты одиночества.

Ребенок-сэндвич

Когда я была маленькой, в рекламе отсутствовал образ маленького мальчика: все младенцы были того же пола, что и ангелы. Поди догадайся: дитя на рекламе мыла «Кадум» – мальчик или девочка? На рекламных щитах и в проспектах фигурировал младенец-объект. С тех пор как изобрели фотографию, фотографировать новорожденных принято голенькими, но лежащими на животе. Чтобы никакой пипки и в помине не было. В семейных альбомах маленькие мальчики утопают в крестильных платяцах до пят. Эта неразличимость – или эта двусмысленность – сохранилась практически до самой Второй мировой войны.

Первые иллюстрированные объявления, касающиеся младенцев, относятся к выбору няни. Демонстрируются кормилицы. Позже появились первые рекламные объявления о консервированном молоке. О муке для детского питания. «Фосфатин Фальера» изображался в виде огромной супницы, на край которой карабкалась ватага ребятишек. Это был эрзац ангелочков былых времен. Первое изображение девочки в рекламе появляется на картинке, рекламирующей шоколад Менье – маленькая девочка старательно пишет на стене почерком прилежной ученицы, согласно требованиям той эпохи: «Шоколад Менье».

Этот прецедент – вторжение примерных девочек в рекламу – долго не имел продолжения.

Можно заметить, что начиная с того момента, когда на рекламной картинке становится ясно выражен пол ребенка, и до самых пятидесятых годов в рекламе доминируют мужские изображения. Как будто выбирать сорт или цвет, глядя на рекламу, было делом мужчин – больших или маленьких. Параллельно из семейных альбомов исчезает длинное крестильное платье, в которое наряжали маленького мальчика, а сам этот мальчик все чаще красуется на стенах домов в качестве образцового дитяти-потребителя, или, вернее, посредника при покупке.

В социологии давно считается банальной истиной, что самых юных зрителей среди всех передач более всего привлекают и удерживают у телевизоров рекламные ролики. После мая 1968-го это культурное «растление малолетних» вызвало всплеск негодования: «Какой позор! Ребенка принимают за потребителя». Так оно и есть, но заинтересованное лицо реагирует совсем не пассивно. Ребенка не проведешь, он сохраняет критическое отношение к увиденному: смеется, только если шутка его рассмешила, а запоминает только рекламные лозунги, в которых его ухо ласкают игра слов, забавная абракадабра, да рифмы. Реклама играет с языком, изобретает комические эффекты. Повседневность давит на людей, лица взрослых искажают озабоченность и усталость. Веселые люди становятся редкостью, и игра слов, в свое время так забавлявшая школьников, замещается оноματοпеями⁶¹ комиксов. Рекламные ролики снимают драматизм с ежедневно чередующихся «метро – работа – кровать» и помогают ребенку при помощи смеха и веселья освободиться от многих конфликтных ситуаций.

Не исключено, что язык рекламы своими зрительными и словесными трюками развивает в ребенке способность к критике в большей степени, чем школа. Он может сказать: если я буду выбирать, то выберу самостоятельно, а не так, как мальчик на экране.

Не исключено, что язык рекламы своими зрительными и словесными трюками развивает в ребенке способность к критике в большей степени, чем школа. Он может

⁶⁰ Фантазм – это не мир фантазий и не деятельность воображения в целом; это особый продукт воображения. Подробнее см.: Лаплати Ж., Понталис Ж. – Б. Словарь... С. 551–553.

⁶¹ Оноματοпея – звукоподражание. – В. К.

сказать: если я буду выбирать, то выберу самостоятельно, а не так, как мальчик на экране. Отныне общество признает за ним право выбора.

Девочка с шоколада Менье была авангардом века масс-медиа. Она заглянула на полвека вперед и предрекла, что ребенок моложе десяти лет станет играть роль телезвезды для миллионов. Это завоевание осуществлялось поэтапно: сначала наступило торжество пары мать – дитя, затем ее сменила семья-ячейка, сияющая от счастья благодаря товару такой-то и такой-то марки, мускулистого холостяка сменил папа-наседка, а затем реклама усадила на трон уже одного маленького принца. «Дитя-сэндвич!» – возопили рекламофобы. Но, в сущности, место, которое ему отвели, скорее его возвышает. Отныне общество признает за ним право выбора. Он входит в число тех, кто принимает решения о покупках. Его изображают смышленным, находчивым, умелым, он обладает хорошим вкусом и легко его выказывает. Стереотипные представления о ребенке-«наказании» изгоняются. Эксплуатация ребенка в средствах массовой информации – мнимый процесс.

4 глава Заточение

Пространство ребенка

Насколько изменилось пространство, в котором эволюционирует ребенок? В наше время оно более замкнуто, чем в эпоху Средневековья, вследствие разделения социальной и семейной сфер. В XIX веке и вплоть до середины XX заточение оставалось уделом мальчиков из среды зажиточных семей, из мелкой и средней буржуазии. Сегодня даже величайшая мобильность семей почти не размыкает этого чересчур охраняемого пространства, потому что детей перевозят от дверей до дверей; самые дальние перемещения по каждодневным делам происходят все быстрее и быстрее, поэтому пройденная дистанция становится как бы нереальной, не происходит ни малейшего контакта с обитателями тех мест, которые остались за спиной.

Откуда взялось представление о буржуазном доме, где живут взаперти, замыкаясь в себе? Чтобы это понять, нужно обратиться к эпохе феодализма, когда коллективную безопасность обеспечивал сеньор, князь.

Иметь стены, за которыми можно окопаться, запасы, позволяющие выдержать осаду, оружие, чтобы защищаться, – это была прерогатива господина: ему платили налоги, а взамен получали защиту. По примеру властителей целого региона более мелкие хозяева хотели создать такой же уклад, хоть и в уменьшенном виде. Дом – это замок в миниатюре, внутри него все могут чувствовать себя в безопасности. Постепенно в буржуазном доме появляются отдельные комнаты для его обитателей, «как в замке».

Образ владельца замка пробуждал в других людях желание модифицировать внутреннюю архитектуру, оградив целостность жизни от внешнего мира. Но, возможно, в деревне это сказывалось еще заметнее, чем в городе. Города были обнесены стенами, большие ворота которых запирались на ночь; вдоль стен патрулировала оплачиваемая стража, обеспечивавшая защиту людей; в эпоху Возрождения частные богатства распределялись уже между более многочисленными владельцами, чем в начале Средневековья.

Приватизация пространства – феномен нового времени, хотя уже с XV века, в частности, в итальянских палаццо и даже в домах нотаблей⁶² архитекторы отводили больше комнат для жизни узкого круга семьи. Тем не менее внутренние дворики, открытые лоджии по-прежнему досягаемы для толп посетителей. Всегда остается общедоступное место, где перемешиваются все классы, где ребенок эволюционирует и очень быстро приобретает огромный опыт социальных отношений.

В интерьерах жилища ремесленников и крестьян роль общей комнаты надолго остается преобладающей. Не следует забывать, что социализация пространства имеет и практический смысл. Понятно, что в деревне пространство будет приватизировано значительно позже, поскольку техника проникнет в деревенские дома на век позже, чем в городские.

Тепло от очага, человеческое тепло: долгое время очаг был единственным источником тепла, который вечерними часами собирал взрослых и детей в холодном доме. Работали и

⁶² Нотабль – во Франции XIV–XVIII вв. представитель высшего духовенства, придворного дворянства и городских верхов – член созывавшегося королем собрания – собрания нотаблей.

отдыхали в одном и том же помещении. Техника положила конец семейной скученности. Но одновременно она изгнала общительность. Как только появилась возможность отапливать несколько комнат, детей стали помещать отдельно от родителей.

Ребенку привить настоящий иммунитет против опасностей, угрожающих его психической целостности, может только опыт риска.

Приватизация пространства сопровождается эволюцией семейной жизни. Если ребенок справится с болезнями первых лет жизни, он должен прежде всего служить защите интересов родительского дома и сохранять родительское достояние. В период Средневековья семилетних детей считают уже почти взрослыми; им полагается уже сейчас приносить пользу обществу, то есть своей социальной группе, корпорации своего отца, а не только семье. В XIX веке семья менее склонна – не считая разве что самых ранних лет жизни ребенка – верить его внешнему миру, едва он достигнет того возраста, когда может послужить родительскому дому, и не спешит отдавать его «в люди» с семи лет. Его оставляют дома.

Тем самым жизненное пространство ребенка сокращается, и если он и выигрывает в смысле более тесного общения с родителями, которые уделяют ему больше внимания и больше заботятся о его здоровье, то значительно теряет при этом в смысле автономии, контактов с другими людьми.

Защита, которую дает ребенку это заточение внутри буржуазного дома, иллюзорна, потому что привить ему настоящий иммунитет против опасностей, угрожающих его психической целостности, может только опыт риска.

4000 лет школьной комедии

«Школьник, куда ты пошел с самого нежного возраста? – Я пошел в школу. – Что ты делал в школе? – Рассказывал то, что записано на моей табличке для письма, завтракал, приготовил новую табличку, написал на ней урок, дописал до конца; потом мне задали учить наизусть, а после обеда дали задание по письму. После уроков я пошел домой, вошел в дом, там сидел отец. Я рассказал отцу про упражнение по письму и рассказал ему выученный урок, и отец был очень доволен... Когда я проснулся рано утром, я повернулся к матери и сказал: «Дай мне поесть, мне надо идти в школу». Мать дала мне два хлебца, и я отправился. В школе дежурный мне сказал: «Почему ты опоздал?» Я испугался, сердце у меня забилося, я вышел вперед, стал перед учителем и почтительно ему поклонился. Он побранил меня за опоздание. Потом он наказал меня за то, что я встал во время урока... Я показал ему мою табличку, и он сказал: «У тебя плохой почерк». Меня опять наказали плетью. Школьник сказал отцу: «Пригласи в дом учителя». Отец прислушался к тому, что сказал школьник. Пригласили школьного учителя, и, когда он вошел в дом, его усадили на почетное место. Ученик стал прислуживать ему, и окружил его заботами, и при отце продемонстрировал все свои успехи в письме. Отец налил учителю вина, одел его в новое платье, подарил ему подарок, надел ему на палец кольцо. Учитель сказал ученику: «Молодой человек, поскольку вы не пренебрегли моими словами и не прекословили мне, вы смогли достичь вершин в искусстве переписчика, вы вполне способны этого добиться... вы можете руководить вашими братьями, начальствовать над вашими друзьями: вы достигнете самого высокого положения среди школьников... Вы хорошо выполняли ваши школьные задания, и вот вы стали ученым человеком».

(Реконструкция текста на шумерских письменных табличках, проведенная наиболее выдающимися ассириологами и опубликованная в «Journal of the American Oriental Society».)

Чем больше становилось школ, тем окончательнее ребенок превращался в узника. «Это вина Карла Великого». И это не просто легенда. Все началось в его царствование. В первых монастырских школах взрослые ходили на уроки вместе с детьми и слушали церковнослужителей. Но в конце Средневековья на Западе возникает прообраз современных циклов обучения: ученики группируются в классы по возрастам, а не смешиваются с теми, кто старше или младше, соотносясь только с изучаемыми предметами и уровнем подготовки⁶³.

Дольше других заточения в школе избегали самые богатые. Сыновья сеньоров продолжали изучать военное искусство, они пользовались всеми социальными контактами, которые предоставляла им жизнь, открытая внешнему миру; существовала солидарность касты, но возрастной и классовой сегрегации не было: они участвовали в играх и состязаниях бок о бок с простонародьем. В школах хорошими учениками были бедняки, а плохими – богачи. Потому что те, кто с рождения обладали средствами политической власти, менее прилежно слушали клириков, наделявших властью интеллектуальной. Богачи посвящали себя жизни воинов. Сыновья простых людей приучались к усидчивости: это могло помочь их продвижению. Их в первую очередь выделяли преподаватели, желавшие превратить свои школы в питомники клириков. Книжное знание, эрудиция были далеки от рыцарства. Здесь можно усмотреть те дрожжи, на которых всходит революция. Потому что именно этим путем политическая власть переходит в другие руки.

То, что происходило в Галлии и в средневековой Франции, имело место и в черной Африке в XIX и XX веках. В наших бывших колониях первые дети, охваченные школьным образованием, были гриоты⁶⁴

⁶³ *Huit siècles de violence au quartier Latin*. André Coutin, 1969. Editions Stock.

⁶⁴ Гриот – поэт, музыкант и колдун в Западной Африке. – *Примеч. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.